

The background of the entire page is a close-up photograph of several dandelion seed heads. The seeds are light brown and have a delicate, feathery structure. The stems are thin and brown. The lighting is soft, creating a gentle, ethereal atmosphere.

Альбина Емцева

**Черный
хлопок**

Альбина Емцева

Черный хлопок

<https://litres.ru/74019831>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алия Вавилова — петербургский аналитик, привыкшая к порядку, дождям и уютной жизни с любимым. Однажды двое чужих приносят весть: у неё есть семья. Большая. Богатая. Влиятельная. Она летит к ним, думая, что обретёт дом. Но там её не ждут.

В центре этого мира — хлопок. Белый, пушистый, как облако. Только каждый его куст политый кровью. За него гибли люди четверть века назад. Из-за него гибнут сегодня. Он даёт власть, деньги, но забирает души.

Но она не такая, как все. Она пришла в этот ад не по своей воле, но именно она начинает разбирать завалы, которые копились десятилетиями.

Что заставляет человека, который не верит никому, вдруг открыться?

И можно ли остановить войну, которая длится дольше, чем ты живёшь?

«Чёрный хлопок» — это восточная сага о силе, предательстве и любви, которая выдерживает выстрелы, пожары и многолетнюю ложь. История о том, как человек с твёрдым сердцем может

научиться любить, если рядом окажется тот, кто не боится его
тьмы.

Альбина Емцева

Черный хлопок

Черный хлопок

Глава 1.

Питерский дождь барабанил по подоконнику, злой, хлесткий, как будто кто-то выливает ведра воды с неба.

Алия открыла глаза и некоторое время просто лежала, глядя в потолок. За окном было ещё не совсем светло, сентябрь всегда приходит с короткими днями и длинными теньями. Где-то вдалеке проехал трамвай, и его звон разбудил

кошку Люсю, которая спала в кресле у батареи. Она потянулась, зевнула и спрыгнула на пол.

— Доброе утро, — сказала Алия кошке.

Она встала, накинула халат и пошла на кухню.

Квартира была её бабушки, на Петроградской стороне, в старом доме с высокими потолками и лепниной на фасаде. Небольшая, но уютная. Алия любила это место за тишину и за то, что оно помнило её детство.

Максим уехал в начале недели в командировку в Екатеринбург, сдача объекта. Они созванивались вечером, но последние два дня он пропадал: то совещания, то приёмка, то просто вырубался после четырнадцатичасового рабочего дня. Алия не переживала. Она знала, что он вернётся в субботу, как обещал.

Она включила радио. Старый приёмник бабушки, работал с лёгким шипением, и Алия не стала его перенастраивать. Играла какая-то спокойная мелодия и приятная, музыка заполнила утреннюю тишину.

На работе у неё не было строгого дресс-кода, поэтому она надела джинсы, бежевый свитер и кроссовки. Волосы собрала в хвост. Посмотрела на себя в зеркало — обычное лицо, обычный день.

С Максимом они познакомились в очереди за кофе. Тогда Алия работала в другом месте, на Василеостровской, и каждое утро забегала в маленькую кофейню рядом с метро. Максим уступил ей место, сказал что-то смешное и она за-

смеялась. А потом они проговорили три часа сначала в кофейне, потом на улице, потом в переходе, потому что дождь пошёл и прятаться было негде.

Он уже познакомился с её семьёй. С мамой, хирургом, женщиной суровой и немногословной. Мама долго молчала, разглядывала его, спросила про работу, про зарплату, про планы.

С бабушкой, которая сразу полюбила Максима, он приносил её любимые конфеты «Коровка» и слушал её рассказы о молодости и о том, как она встретила деда. Максим слушал внимательно, не перебивал, задавал вопросы. Алия тогда подумала: «Вот оно, что-то настоящее».

С Кариной, лучшей подругой, которая работала флористом в маленькой лавке на Малом проспекте. Катя сказала тогда, что он в тебя верит». Алия спросила: «А в кого он верит, если я сама в себя не всегда верю?» Катя ответила: «Может, в того человека, которым ты можешь стать».

Алия была счастлива. Не показушно, не для соцсетей, а по-настоящему той тихой, глубокой, будничной радостью, которая не требует фейерверков и дорогих ресторанов. Ей нравилось засыпать рядом с ним, чувствовать его дыхание. Нравилось, когда он готовил ужин и у него лучше всего получалась курица с картошкой и почему-то омлет, который никогда не опадал. Просто. Без пафоса.

Алия работала аналитиком в «Нева-Инвест», небольшой компании на Невском проспекте, в старом здании с колон-

нами и двором-колодцем. Контору основали два бывших однокурсника, которые устали от корпоративных джунглей и решили делать свой бизнес. Начальник, Андрей Валерьевич, не дёргал, ценил инициативу, закрывал глаза на опоздания.

Алия любила цифры, за порядок, который они создавали. Когда мир вокруг казался хаотичным, пробки, очереди, «диванные эксперты» в интернете, то цифры в таблицах экселя оставались чистыми и предсказуемыми. В каждой цифре была своя логика, своя история. Алия умела слушать эти истории.

Сегодня ей предстояло сдать отчёт за квартал.

Она уже всё подготовила накануне, осталось только проверить и распечатать.

Она налила себе растворимый кофе и села у окна. Люся устроилась на коленях, заурчала. Дождь всё шёл, но уже тише, как будто город успокаивался после утренней истерики.

Телефон пиликнул. Сообщение от Максима: «Не забудь зонт. А то опять промокнешь». Алия улыбнулась. Он знал её привычку забывать вещи.

Она ответила: «Спасибо, мамочка». Он прислал смайлик с подмигиванием.

Она глянула в зеркало на выходе из ванной: бледная, веснушки на носу, глаза усталые, но живые. Ничего, отоспится в выходные.

Перед выходом позвонила бабушке. Это был их утренний ритуал с коротким разговором, чтобы убедиться, что бабу-

лечка здорова и в хорошем настроении.

— Ба, привет.

— Алия, дочка, как ты? — голос бабушки был бодрым. Анна Петровна вставала в пять утра, делала зарядку, кормила кота Ваську и садилась вязать.

— Нормально. На работу собираюсь.

— Дождь идет?

— Льёт.

— А у нас солнце. Не поверишь, лучи прямые. Я уж окно открыла.

— Ты только не простудись, ба.

— Не простужусь. Максим когда приедет?

— В выходные. Говорил, приедем.

— Ладно, ладно. Ты только не переутомляйся. И ешь нормально, не бутербродами. Я тебе суп вчера сварила, да заморозила. Может, заедешь?

— В выходные, ба. Обязательно.

— Я люблю тебя.

— И я тебя.

В трубке повисла тишина. Алия постояла минуту, глядя на мокрый асфальт во дворе, потом застегнула куртку и вышла.

В метро народу было много, как всегда, во вторник. Алия встала у двери, достала телефон, проверила почту. Ничего особенного: письмо от клиента из Казани с просьбой пересчитать доходность по облигациям, напоминание от колле-

ги Оксаны про совещание, оповещение от начальника о том, что он будет после обеда. Максим прислал ещё одну картинку — на этот раз смешное видео с худеющими девушками.

Алия улыбнулась. Потом набрала маму. Та взяла трубку только на пятый гудок, голос был холодным и отстранённым.

— Мам, привет. Как ты?

— Нормально. Дежурство ночью, устала.

— Ты бы поспала.

— Потом. Что хотела?

— Ничего. Просто позвонила.

— Удачи на работе.

— Спасибо, мам.

Коротко и сухо, мама-хирург не умела говорить о чувствах. Она могла провести шесть часов за операционным столом, спасти человека, которого уже почти отключили от аппаратов, но сказать дочери «я тебя люблю», но вместо этого сухие фразы, короткие ответы, вечная усталость. Алия привыкла. Давно привыкла.

Она убрала телефон в карман и вышла из метро. Дождь уже почти кончился, только моросило. Она забыла зонт конечно же. Промокла, пока бежала до офиса. Чихать пока не хотелось, но к вечеру, наверное, начнётся.

Офис «Нева-Инвест» находился на третьем этаже старого здания. В лифте пахло капустой, столовая внизу готовила обеды для сотрудников всей округи. Приёмная была маленькой, но уютной: диван с продавленными пружинами, фикус в

кадке, кулер с водой. Лена-секретарша уже сидела на месте, красила ресницы тушью и поправляла причёску.

— Алия! — Лена отложила тушь. — Ты сегодня какая-то бледная. Заболела?

— Промокла. Дождь.

На столе её ждал сюрприз, коробка с пирожными. Эклеры, её любимые, с заварным кремом. Рядом была записка: «Сладкой жизни». Почерк незнакомый, печатными буквами, будто писал левша.

Алия нахмурилась. Подошла к Оксане, которая сидела в соседнем кабинете.

— Оксан, ты знаешь, от кого это?

— Алия, я думала, это твой Максим решил устроить романтику, — Оксана оторвалась от монитора. — А что, не от него?

— Нет. Почерк не его.

— Странно. Может, тайный поклонник?

— У меня один поклонник, и он сейчас на стройке в ЕКБ.

— Тайный, значит. — Оксана подмигнула. — Ну, ешь давай. Не пропадать же добру.

Алия съела один эклер, запила чаем и вернулась к работе.

Отчёт за квартал был почти готов, оставалось проверить сводную таблицу и расставить сноски. Алия погрузилась в цифры, забыла про обед, пила кофе и щёлкала клавишами. Коллеги ходили туда-сюда, кто-то звонил по громкой связи, кто-то обсуждал вчерашний сериал. Она не слышала.

В три часа пришла Оксана, сунула ей бутерброд.

— Ты, как всегда. Выйди, проветришь. С ума сойдёшь.

— Сейчас. Закончу тут.

— Ты уже два часа «заканчиваешь».

— Это ответственная работа.

— Это отчёт, который никто не прочитает, кроме Андрея

Валерьевича.

Алия засмеялась, откусила бутерброд и продолжила работать.

Она закончила только к шести. Коллеги разошлись: Лена убежала на свидание, Оксана пошла забирать ребёнка из сада, начальник уехал в командировку, все коллеги разошлись по домам, и Алия осталась одна. Нужно было распечатать отчёт и оставить на столе начальника.

Она пошла к принтеру в коридор. Там было темно, лампы погасли автоматически, так как датчики движения не работали. Алия похлопала по стене, и свет зажёгся.

В этот момент она услышала шаги.

Не со стороны входа, а из глубины коридора, откуда-то из подсобки, где хранилась старая мебель и коробки с архивом. Тяжёлые, уверенные. Каблуки по плитке.

Алия замерла. Охрана внизу уже ушла она сама видела, как дядя Коля снял форму и уехал на автобусе. Значит, кто-то вошёл через чёрный ход.

Она медленно повернулась. В коридоре стояли двое.

В чёрных костюмах, без галстуков. Белые рубашки. Лица

серьёзные, но не злые. Один с аккуратной тёмной бородой и внимательными карими глазами, которые смотрели не мигая. Второй бритоголовый, широкоплечий, с короткой шеей и тяжёлым взглядом. Он держал в руке чёрную папку.

Никто из них не улыбался. Никто не угрожал. Просто стояли и смотрели.

— Алия Вавилова? — спросил бородатый.

Голос низкий, с лёгким восточным акцентом.

— Да, — она отступила на шаг, коснулась спиной стены. — Офис закрыт. Что вам нужно?

— Нам нужно поговорить, — сказал бородатый. — Наедине.

— Я никуда с вами не пойду.

— Мы никуда не зовём. Прямо здесь.

Алия сжала пальцы. Она хотела крикнуть, позвать на помощь, но знала бесполезно. Охраны нет, коллеги ушли. Она могла только говорить.

— Хорошо, — сказала она. — Говорите.

Бородатый шагнул вперёд, положил папку на стол в приёмной.

— Меня зовут Азим, — сказал он. — Это Рустам. Мы представляем интересы вашего деда — Шухрата Умарова.

Алия нахмурилась.

— Мой дедушка умер, когда я была маленькой. Я его помню. Его звали Николай Иванович.

— Это дед по матери. Ваш погибший отец Еркин Умаров

и ваш дед Шухрат Умаров. Он скончался три недели назад.

— У меня нет отца, — сказала Алия, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— Был. Он погиб, когда вам было два года. Ваш дед оставил вам наследство. Двадцать пять процентов корпорации «Маргилан-текстиль».

— Это шутка?

— Никаких шуток. — Азим открыл папку, достал фотографии. — Взгляните.

Он выложил множество фотографий. Алия узнала себя на них, младенец в белом конверте, лежит в кроватке. Снимок сверху, как будто из окна. На обороте подпись: «Алия, 3 дня».

— Это вы.

Алия не могла оторвать взгляд. Она смотрела на крошечное личико, на родинку над губой ту же, что и сейчас.

— Откуда это?

— Ваш дед заказывал наблюдение. Он хотел знать, что вы живы.

— Наблюдение? — Алия повысила голос. — Вы хотите сказать, что он следил за мной всю мою жизнь?

— Выражаясь вашими словами — да.

Девочка в песочнице, рядом бабушка, Алия в школе, на линейке, в институт, она смеётся с подругами, она в этом офисе, за этим столом, пьёт кофе. На прошлой неделе. Их было множество.

— Он не мог приехать, у него были враги. Он боялся, что вас убьют, как убили его сына. Вашего отца.

— Как... — голос Алии дрогнул. — Как убили?

— В девяносто первом году. Было нападение на выезде из кишлака. Ваш дед выжил, потому что был в другой машине. Ваш отец — нет.

— Вы лжёте, — прошептала Алия, но слёзы уже катились по щекам. — Не может быть.

— Может. Ваш дед умер три недели назад. Он оставил завещание. — Азим выложил на стол плотный конверт с сургучной печатью. — Здесь все документы. Вы должны приехать в Маргилан, чтобы вступить в наследство.

— Я никуда не поеду.

— Если вы не приедете, то ваша доля перейдёт к вашему дяде Руслану.

— Дяде?

— Младшему брату вашего отца. Он сейчас управляет делами.

Алия смотрела на фотографии, на завещание, на этих двух мужчин, которые пришли в её жизнь и разрушили всё, что она знала.

— Вы не можете меня заставить, — сказала она, стараясь говорить твёрдо, но голос дрожал.

— Никто вас не заставляет, — спокойно ответил Азим. — Вы вольны отказаться. Но если вы хотите узнать правду о своей семье, то приезжайте.

Он оставил визитку на столе.

— Позвоните завтра до полудня. Мы организуем билеты.

Они кивнули и вышли. Шаги затихли в коридоре. Хлопнула дверь.

Алия осталась одна.

Она опустилась на пол, прижала колени к груди и зарыдала. Не просто заплакала, а завывала, как зверёк, попавший в капкан. Всё тело тряслось, зубы стучали. Она смотрела на фотографию себя и не могла поверить, что кто-то невидимый смотрел на неё из темноты.

Она сидела на полу, прижавшись к стене.

Позвонила бабушка. Алия взяла трубку, сдерживая рыдания.

— Ба, я знаю про отца и деда.

— Ох, дочка, — бабушка вздохнула. — Я знала, что этот день настанет.

— Ты знала?

— Дед приезжал в Питер один раз. Когда тебе было три. Стоял под окнами, смотрел, как ты играешь. Я его видела. Он плакал.

— Почему ты не сказала?

— Он просил. Боялся.

Алия отключилась.

Позвонила маме, но она была не доступна.

Алия ехала в такси домой и только и думала, кто она и что скрывали от нее.

Она не спала всю ночь.

Утром позвонила Азиму.

— Я полечу. Организуйте билеты.

— Хорошо.

Через три дня она стояла в аэропорту Пулково. Синий чемодан, папка с документами.

Самолёт взлетел. Питер исчез в облаках.

Алия смотрела в иллюминатор и плакала.

Она не знала, что её ждёт. Что её сердце не раз разобьётся и соберётся заново из осколков.

Она просто летела.

В неизвестность.

Глава 2.

Самолёт пошёл на снижение. Алия прижалась лбом к холодному иллюминатору и увидела внизу жёлтую выжженную землю, разрезанную зелёными нитями арыков, узких каналов, по которым вода бежала. Квадраты хлопковых полей, похожие на лоскутное одеяло, тянулись до самого горизонта. Где-то там, среди этой сухой, первозданной красоты, лежал Маргилян — город, которого она никогда не видела, но который внезапно стал её судьбой.

Самолёт тряхнуло на воздушной яме. Алия инстинктивно вцепилась в подлокотники. Рядом никто не сидел место было пустым, и она радовалась этой возможности побыть одной. Думать. Осознавать.

Она не хотела разговаривать с попутчиками. Не хотела отвечать на вопросы «вы впервые в Узбекистане?» и «по работе или в гости?». Не хотела объяснять, что её жизнь перевернулась за одну неделю и теперь она летит встречаться с семьёй, о существовании которой не подозревала тридцать лет.

Она хотела только одного — проснуться. Понять, что это страшный сон, что она сейчас откроет глаза, пахнет его кофе, за окном идёт привычный питерский дождь, и ничего этого нет, ни деда, ни наследства, ни тёмных мужчин в чёрных костюмах, явившихся в её офис как из плохого триллера.

Но сон не кончался.

Пилот объявил посадку на узбекском и русском. Алия отстегнула ремень, поправила свитер, в котором она чувствовала себя защищённой. Глупо, конечно. Какой-то свитер не защитит от того, что её ждёт.

Самолёт коснулся посадочной полосы. Шасси взвизгнуло, пассажиры задвигались, защёлкали ремнями, заговорили громче. Алия слышала узбекскую речь певучую, мягкую, с гортанными нотками. Кто-то позвал стюардессу: «Опа, сингилим, сув борми?» — «Сестра, есть вода?» Кто-то смеялся, кто-то говорил по телефону, радостно крича: «Онам, етиб келдим!» — «Мама, я прилетел!».

Алия почувствовала себя ещё более чужой. Здесь всё было другим — язык, лица, запахи. Даже воздух, который хлынул в салон, когда открылись двери, пах иначе — пылью, су-

хой травой и чем-то пряным, сладковатым. Хлопок. Она никогда не знала этого запаха, но почему-то узнала его.

Она вышла из самолёта, и жара ударила в лицо, как раскалённая ладонь. Сентябрь в Ферганской долине — это не сентябрь в Питере. Здесь было за тридцать, воздух дрожал над бетонными плитами, и даже в тени было душно. Алия зажмурилась на секунду, привыкая к свету яркому, ослепительному, как прожектор.

Люди в форме проверяли документы. Алия взяла свой синий чемодан единственный, который казался ей якорем в этом чужом мире и пошла к выходу, оглядываясь в поисках таблички с её именем.

Она не ошиблась.

В толпе встречающих она увидела их сразу. Трое мужчин стояли чуть поодаль от остальных, как будто их отделяла невидимая стена.

В центре был высокий, дородный, с широкой улыбкой и седеющими висками. На нём был дорогой костюм песочного цвета, белая рубашка расстёгнута на верхнюю пуговицу. Он казался радушным хозяином, готовым обнять весь мир.

Справа от него тот самый бородатый Азим, который приходил в офис. Он стоял с непроницаемым лицом, кивнул Алие, но не улыбнулся. А слева, чуть поодаль, застыл третий.

Мужчина лет тридцати пяти, с чёрными волосами. Он был одет просто в чёрную футболку, тёмные джинсы, кожаный

браслет на правом запястье. Никакого костюма, никакой попытки произвести впечатление. Он стоял неподвижно, как статуя, и смотрел поверх голов, в пустоту.

Его лицо ничего не выражало. Ни радости, ни любопытства, ни злости. Просто пустота. Только глаза чёрные, глубокие, как колодцы без дна иногда скользили по толпе, останавливались на секунду и снова уходили в себя.

— Алия! — высокий мужчина раскинул руки и двинулся к ней быстрым шагом. — Наконец-то! Добро пожаловать домой, дочка!

Он обнял её, и она почувствовала запах дорогого одеколona и табака. Объятие было крепким, почти болезненным. Алия не знала, как ответить, и просто позволила себя обнять, застыв с поднятыми руками.

— Ты точь-в-точь как твой отец, — сказал мужчина, отстраняясь и разглядывая её. — Глаза, скулы, даже этот взгляд исподлобья. — Он покачал головой. — Еркин был моим старшим братом. Я Руслан. Твой дядя.

— Здравствуйте, — выдохнула Алия.

— Ну что ты такая напряжённая? — Руслан хлопнул её по плечу. — Мы семья. Свои. Не бойся.

Азим подошёл ближе, склонил голову.

— Хонум (Госпожа), добро пожаловать. Как долетели?

— Нормально, — ответила она.

— Алия, машина ждёт. Поехали. Дорога неблизкая, а нам ещё чай пить и знакомиться. — усмехнулся дядя.

Алия повернулась к третьему мужчине.

— Демир, — бросил Руслан, даже не глядя в его сторону.

— Моя правая рука.

Машина была большой, чёрной, с тонированными стёклами. Кожаные сиденья, кондиционер, запах новой обивки. Демир молча сел за руль. Руслан открыл заднюю дверь, жестом приглашая Алию.

— Садись, дочка. Поговорим в дороге.

Она села сзади. Руслан устроился рядом, тяжело вздохнул, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

— Жара, — сказал он. — Каждый год одно и то же. Не привыкнуть.

Демир завёл двигатель. Джип выехал с парковки, и они покатали по широкой дороге, обсаженной платанами.

— Расскажи о себе, — попросил Руслан. — Чем занимаешься, как живёшь, есть ли жених?

— Я финансовый аналитик, — ответила Алия, стараясь говорить спокойно. — Живу в Питере, снимаю квартиру. Парень есть. Максим.

— Архитектор, — вставил Руслан. — Да, я знаю. Мы навели справки.

Алия похолодела.

— Вы что, следили за мной, как дед?

— Не беспокойся. Только самое важное. Чтобы знать, что ты жива, здорова и не вышла замуж за кого попало.

— Моя личная жизнь вас не касается, — резко сказала

она.

Руслан не обиделся.

— Отныне касается. Ты теперь часть семьи. А в нашей семье всё общее — и радости, и беды, и секреты.

Она промолчала, отвернувшись к окну.

Джип свернул с главной дороги на боковую, и потянулись поля. Бескрайние, жёлтые, с низкими кустами, усыпанными белыми пушистыми коробочками. Хлопок. Алия никогда не видела его вживую, только на картинках и в документальных фильмах про Среднюю Азию.

— Наша земля, — сказал Руслан, проследив за её взглядом. — Твоего деда. Теперь твоя тоже.

— Я не просила об этом.

— Никто не просит о наследстве. Оно приходит как судьба. — Он помолчал. — Знаешь, сколько людей работают на этих полях? Тысячи. И все они молятся, чтобы урожай был хорошим. Хлопок — это не просто бизнес, Алия. Это жизнь.

Она молчала. Ей нечего было сказать.

Демир вёл машину молча, иногда Алия ловила его взгляд в зеркале заднего вида, холодный, оценивающий, но без враждебности. Он смотрел на неё как на вещь, которую нужно доставить в целости.

Город открылся внезапно. Сначала потянулись окраины глинобитные дувалы, белые дома с плоскими крышами, ослики, гружённые тюками хлопка, женщины в ярких платьях, несущие на головах кувшины. Потом шире улицы, вы-

ше дома, больше людей. Мечеть с бирюзовым куполом, базар, от которого пахло специями, шашлыком и свежими лепёшками.

Маргилан оказался не пыльным кишлаком, каким его представляла Алия, а настоящим городом, древним, шумным, живущим своей размеренной, но насыщенной жизнью.

Джип остановился у высоких кованых ворот. Они были распахнуты, и за ними открылся внутренний двор, от которого у Алии перехватило дыхание.

Огромный сад с фонтаном в центре. Розовые кусты, увитые виноградом беседки, дорожки, выложенные цветной плиткой. Вдоль стен кадки с карликовыми деревьями. И в глубине двухэтажный особняк из белого мрамора с резными деревянными ставнями. Не дворец, но что-то очень близкое к этому.

— Дом твоего деда, — сказал Руслан. — Теперь твой дом.

Ворота закрылись за ними с тяжёлым металлическим лязгом.

Во дворе уже собрались люди. Женщины в ярких шёлковых платьях на некоторых были халаты, расшитые золотой нитью. Мужчины в костюмах или национальных рубашках. Старейшины в тубетейках, опиравшиеся на резные трости. Дети бегали вокруг фонтана, кричали и смеялись.

Все они смотрели на Алию. С любопытством, настороженностью, иногда с улыбками.

— Келди! — крикнул кто-то. — Приехад!

— Выходи, не стесняйся, — сказал Руслан, первым вылезая из машины.

Алия выбралась наружу. Ноги затекли от долгой дороги, голова кружилась от жары и запаха цветов. Она поправила волосы, одёрнула свитер и неуверенно улыбнулась.

Никогда в жизни она не чувствовала себя такой чужой.

— Вот она! — громко объявил Руслан. — Моя племянница. Алия. Дочь моего покойного брата Еркина. Встречайте!

Люди заулыбались, захлопали в ладоши. К Алие тут же подошла женщина лет пятидесяти полная, с добрым, но усталым лицом, в расшитом золотом платье и крупных серьгах.

— Замира, жена Руслана, — представил дядя. — Твоя тётя.

— Здравствуйте, — Алия протянула руку.

Но Замира вместо рукопожатия обняла её, коснулась щекой щеки, поцокала языком.

— Бедная девочка. Одна, без родителей. Без рода. Теперь у тебя есть мы.

— Спасибо, — выдавила Алия, чувствуя себя неловко.

В следующую секунду перед ней выросла молодая девушка ровесница Алие, она окинула гостью оценивающим взглядом с головы до ног.

— Саида, моя дочь, — сказал Руслан. — Ваша ровесница. Вы подружитесь.

— Привет, — Саида усмехнулась.

Потом были другие родственники. Алия не запомнила

имён. Стайка тётушек, похожих одна на другую — в ярких платьях и с одинаковыми причёсками. Несколько стариков с белыми бородами в халатах старейшины клана. Все они вглядывались в неё, искали черты отца, перешёптывались.

— Хватит! — крикнул Руслан. — Проходите в дом. Стол накрыт. Празднуем возвращение дочери!

Дом внутри оказался ещё роскошнее, чем снаружи. Высокие потолки с лепниной, огромные люстры из хрусталя, полы, выложенные мраморной плиткой. Стены украшали ковры ручной работы на одних были изображены горы, на других цветы, на третьих сцены охоты. Всё сверкало, блестело, пахло дорогим деревом и благовониями.

Главная гостиная была заставлена длинными столами. Алия никогда не видела столько еды. Огромное блюдо с пловом золотистым, рассыпчатым, с кусками говядины, целыми головками чеснока и горстью барбариса. Самса ещё горячие, с хрустящей корочкой. Лепешки нон, покрытые узорами из кунжута, только что вынутые из тандыра. Свежая зелень, кинза, петрушка, базилик, зелёный лук. Гранаты, порезанные дольками, виноград, дыни, арбузы.

И, конечно, пиалы с расписными цветами с зелёным чаем.

— Садись, — сказал Руслан, указывая на место во главе стола, под портретом старика с седой бородой. — Это дед, — пояснил он. — Шухрат Умаров. Да будет земля ему пухом.

Алия села. Рядом с ней оказалась Замира. По другую сторону пустое место. Демир куда-то исчез.

— Ешь, — Замира пододвинула к ней тарелку с пловом.

— В дороге совсем устала, наверное.

— Спасибо.

Алия взяла ложку. Плов оказался необыкновенным мясоябло во рту, рис был пропитан специями и жиром, каждый зёрнышко отделялось от другого. Она ела и не могла остановиться.

— Плов по-маргилански, — пояснил Руслан. — Твой дед любил его. Говорил, что это блюдо делает людей семьёй.

— Вкусно, — сказала Алия коротко.

После плова начались чаепития. Старейшины задавали вопросы: сколько лет, кем работает, замужем ли, почему не замужем. Алия отвечала односложно. Чувствовала себя экспонатом в музее все смотрят, все обсуждают, никто не подходит по-настоящему.

— А почему девушка одна приехала? — спросил один старик. —

Алия промолчала. Она посмотрела в сторону входа. Там, прислонившись плечом к косяку, стоял Демир. Просто смотрел в окно на сад, иногда переводил взгляд на Алию. Ни улыбки, ни приветия.

После обильного угощения Руслан хлопнул в ладоши:

— А теперь, дочка, дела. Пройдём в кабинет. Документы ждут. Наследство — штука формальная, но без бумажек никак.

Кабинет деда находился в глубине дома, за массивной де-

ревянной дверью с бронзовой ручкой. Внутри было светло, письменный стол из красного дерева, заваленный бумагами. Чернильница, перьевая ручка, кисти для каллиграфии. Портреты предков на стенах — мужчины в халатах и тюбетейках, женщины в расшитых платьях.

Нотариус уже ждал пожилой узбек в очках с толстыми стёклами, в строгом тёмном костюме. Он встал при входе Алии, поклонился.

— Хонум Умарова, — сказал он. — Для меня честь засвидетельствовать ваше вступление в наследство.

— Моя фамилия Вавилова, — поправила она. — Я не Умарова.

— Согласно завещанию, вы — Алия Умарова. Ваша настоящая фамилия Умарова. В Узбекистане вы будете носить её.

— Это обязательно?

— Для нашей юрисдикции — да, — ответил нотариус. — В России вы можете оставаться Вавиловой. Но здесь, в Маргилане, в документах, в деловых бумагах — вы Умарова.

Руслан одобрительно кивнул.

— Подписывай, дочка. Это всего лишь бумажки. Ты остаёшься сама собой.

На столе лежала кипа документов на узбекском и на русском. Алия взяла первую папку, открыла, начала читать. Пункт за пунктом. Всё было написано сухим юридическим языком, но она понимала суть.

— Мне нужно время, — сказала она. — Я хочу прочитать всё внимательно.

— Конечно, дочка — Руслан развёл руками.

— Я прочитаю сейчас.

Она читала. Страница за страницей. Но глаза слипались сказывалась дорога, перелёт, смена климата, обилие еды и впечатлений. Строки плыли.

— Алия, давай, не мучай себя, — мягко сказал Руслан. — Нотариусу ещё в Ташкент возвращаться. Всё в порядке, дед сам составлял, юристы проверяли.

— Я не могу подписать, не прочитав.

— Читай, кто тебе мешает?

Она читала, но уже не так скрупулёзно. Пропустила страницу, другую. В конце концов, усталость взяла своё. Она взяла ручку и подписала.

Нотариус поставил печати, заверил подписи, упаковал документы в конверт.

— Поздравляю, — сказал он. — Отныне вы одна из владельцев «Маргилян-текстиль».

— Спасибо.

Руслан поцеловал её в лоб.

— Молодец, дочка. Я горжусь тобой.

Демир, который всё это время стоял в углу кабинета, не проронил ни слова. Только когда все вышли, он поймал взгляд Алии. Его глаза что-то говорили, но она не поняла что.

— Можно мне отдохнуть? — попросила Алия.

— Конечно, — кивнул Руслан.

Она шла по длинному коридору второго этажа к своей комнате.

Комната оказалась большой, светлой, с окнами в сад. Кровать с балдахином из полупрозрачной ткани, старинный резной комод, на стене ковёр с павлинами. На тумбочке графин с водой, стакан, вазочка с конфетами.

Она села на кровать, сбросила кроссовки. Достала из сумки копию завещания — ту, что Азим оставил в Москве. Начала перечитывать уже здесь, в тишине.

Попыталась позвонить Максиму. Нет сети. Позвонить Карине не получилось. Интернет не ловил, видимо роуминг не подключился.

Она свернулась на кровати, обняла подушку. Ей хотелось плакать, но слёз не было только сухая тошнота и холод в груди.

Алия закрыла глаза.

Перед мысленным взором встал Максим. Его улыбка, его руки, его голос, когда он говорил: «Я люблю тебя». Вспомнила их кухню в Питере, Люсю на коленях, дождь за окном.

За стеной кто-то засмеялся громко, по-восточному радостно. Жизнь шла своим чередом. Чья-то жизнь. Не её.

Завтра должен был начаться новый день.

День, который принесёт новые страхи, новые тайны и, возможно, новую любовь.

Алия не знала этого. Она просто лежала в темноте и слушала, как бьётся её сердце.

Слишком громко. Слишком испуганно.

Глава 3.

Алия проснулась от того, что кто-то пел. Негромко, мелодично, на узбекском, с грустными нотками, от которых сжималось сердце. Голос доносился из-за стены, женский, молодой, и песня была о чём-то далёком о любви, о разлуке, о хлопковом поле, которое помнит всё.

Она лежала с открытыми глазами, разглядывая балдахин над кроватью. Сквозь полупрозрачную ткань пробивался утренний свет, мягкий, золотистый, совсем не похожий на серые питерские рассветы. За окном щебетали птицы, где-то звенела посуда, и пахло чем? Лепешками из тандыра, свежесваренным чаем и розами.

Алия не поняла сразу, где находится. Память вернулась резко, как удар: аэропорт, джип, кабинет, подписи. Она села на кровати, обхватила колени руками. Вчерашний день казался бредом, но комната была реальной, и запах, и звуки, и жёсткая подушка под боком.

На тумбочке рядом с графином лежала записка. Крупные, неровные буквы, как будто писал ребёнок или человек, не привыкший к русскому языку: «Завтрак в 8. Добро пожаловать домой».

Алия улыбнулась краешком губ. Домой. Странное слово для места, которое она видела впервые.

Она встала, подошла к окну. Сад внизу был залит солнцем. По дорожкам бегали дети, женщины в ярких платьях расстилали ковры, мужчины в тюбетейках пили чай под навесом. Всё двигалось, жило, дышало. И среди этой жизни — она, чужая, бледная, в мятом свитере и с растерянным взглядом.

В дверь постучали.

— Да? — Алия накинула халат, который нашла на спинке стула.

Дверь приоткрылась, и в комнату заглянула девушка. Молодая, чуть младше Алии, с огромными карими глазами и чёрными косами. На ней было длинное шёлковое платье цвета фуксии, расшитое золотыми нитями.

— Алия? — спросила она по-русски с лёгким акцентом. — Я Лола. Меня мама прислала. Можно войти?

— Да, конечно.

Лола вошла, оглядела комнату, потом остановилась на Алии. В её взгляде не было любопытства только теплая, почти материнская забота.

— Ты плохо спала? Выглядишь уставшей.

— Нормально, — Алия поправила волосы. — Немного непривычно.

— Конечно, непривычно, — Лола кивнула. — Дорога долгая, всё новое. Мама сказала, что ты не должна сегодня никуда спешить. Сначала позавтракаешь, потом я тебе всё покажу.

— А ты кто... извини, я вчера не запомнила всех.

Лола улыбнулась, и улыбка у неё была такая же тёплая, как взгляд.

— Мы все живём в этом доме. Мама моя — Наргиза, она сестра дяди Руслана. Ты её ещё не видела, она вчера в огороде была. А я... ну, мы типа двоюродные сёстры? Сложно объяснить. У нас все родственники.

— Очень большая семья, — осторожно сказала Алия.

— Огромная, — рассмеялась Лола. — Ты привыкнешь. Давай, умывайся, и пойдём завтракать.

В ванной комнате, примыкавшей к спальне, Алия долго смотрела на себя в зеркало. Бледная, веснушки, синяки под глазами. Она умылась ледяной водой, собрала волосы в пучок и надела лёгкое хлопковое белое платье простое, без рисунка. Слишком простое для этого дома.

В столовой, огромной комнате с низким дастарханом, застеленным скатертью, расшитой узорами, уже сидели женщины. Алия вошла и сразу почувствовала себя в центре внимания.

— О, пришла! — женщина, которую она узнала, как Замиру, жену Руслана, поднялась и поманила её. — Садись сюда, рядом со мной.

Алия опустилась на подушки. Перед ней оказалась пиала с зелёным чаем, тарелка с горячими лепёшками, масло, мёд, домашний творог, сметана, свежая зелень, редис, огурцы, помидоры. И ещё что-то незнакомое — тонкие слоёные

пирожки с зеленью, самсу в миниатюре, несколько видов варенья.

— Ешь, ешь, — Замира пододвинула всё ближе. — В Питере такого не найдёшь.

— Спасибо.

Женщины за столом смотрели на неё с доброй улыбкой. Алия пыталась запомнить лица. Вот Наргиза — мать Лолы, женщина лет пятидесяти с мягкими чертами и руками, покрытыми морщинами, как будто много работавшими в земле. Вот Фируза ещё одна тётка, полная, громкая, в очках на цепочке. Вот две девочки-подростка, дочери кого-то из дальних родственников, они перешёптывались и хихикали.

И за отдельным столом, в углу, две молодые женщины, которые ели молча, не поднимая глаз. Одна лет двадцати пяти, в скромном тёмном платье и белом платке, повязанном не строго, а как-то по-домашнему. Вторая постарше, лет тридцати, с внимательным взглядом.

— Это Нодира, — шепнула Лола, кивнув на старшую. — Мать Демира.

Алия вздрогнула. Демир. Она почти забыла о нём. Почти.

— А рядом её дочери, сёстры Демира, — продолжала Лола. — Старшая Мухайё, младшая Гульнара. Они живут здесь, в доме. Их комнаты в другом крыле.

Алия посмотрела на них внимательнее. Нодира была красивой той сдержанной, северной красотой, которая не бросается в глаза, но запоминается. Прямой нос, тонкие губы, вы-

сокие скулы. Она не улыбалась, но и не выглядела недружелюбно скорее, устало и отстранённо. Её дочери были другими. Мухайё, старшая, казалась живой, энергичной она быстро ела, переговаривалась с сестрой, иногда поглядывала на Алию с любопытством. Гульнара, младшая, наоборот, сидела тихо, потупив взгляд, и только иногда поднимала глаза огромные, чёрные, с длинными ресницами.

— Почему они за отдельным столом? — спросила Алия тихо.

— Традиции, — пожала плечами Лола. — Невестки и снохи часто едят отдельно, если есть гости. Но они хорошие. Ты не бойся.

Завтрак длился больше часа. Алия ела мало, больше пила чай и слушала. Женщины говорили обо всём, об урожае, о детях, о соседях, о ценах на базаре, о том, что у кого-то родился внук, а у кого-то женился сын. Иногда переходили на узбекский, и Алия теряла нить разговора, но Лола или Замира тут же переводили.

После завтрака дядя Руслан позвал Алию в кабинет.

— Садись, дочка, — он указал на стул, сам устроился в кресле напротив. — Как спалось?

— Нормально.

— Ты сегодня бледнее вчерашнего. Не заболела?

— Всё в порядке, — Алия поправила рукав платья. — Просто акклиматизация.

— Акклиматизация, — повторил Руслан, усмехнувшись.

— Да, у нас тут не Питер. Жара, пыль, солнце. Привыкнешь. А пока держи.

Он протянул ей конверт. Толстый, плотный, без надписи.

— Что это?

— Деньги. Карманные расходы. Ты же теперь член семьи, не будешь же у меня на шее сидеть.

— Я не просила...

— Не просила. Я даю. Бери.

Алия взяла конверт. Не открывая, чувствуя пальцами, что внутри солидная пачка.

— Спасибо.

— Не благодари. — Руслан откинулся на спинку кресла, потер переносицу. — Сегодня придут родственники. Много. Хотят тебя видеть. Ты для них чудо, дочка. Дочь Еркина, которую мы потеряли и нашли.

— Я не терялась, — тихо сказала Алия. — Я жила в Питере с мамой и бабушкой.

— Это не считается, — Руслан покачал головой. — Ты должна была расти здесь, среди своих, говорить на нашем языке, знать наши традиции. Но так сложилось. Не обижайся на деда, он хотел как лучше.

— Он скрывал от меня правду тридцать лет.

— Он защищал тебя. Поверь, в девяностые здесь было страшно. Криминал, бандиты, переделы собственности. Отца твоего убили. Дед боялся, что и тебя тронут. А в Питере ты была в безопасности. Под чужим именем. Без связи с на-

ми.

Алия промолчала. Она не знала, что думать. Вчерашние подписи под документами жгли пальцы или ей только казалось?

— А что теперь? — спросила она. — Теперь я здесь, и моя фамилия Умарова. Что дальше?

— Дальше просто жизнь, — просто ответил Руслан. — Ты войдёшь в дела, познакомишься с бизнесом, с людьми. Двадцать пять процентов корпорации — это не игрушки. Ты должна понимать, что происходит, как работают поля, фабрики, как идут деньги. Я буду рядом. Демир тоже.

При упоминании этого имени у Алии внутри что-то сжалось.

— Демир, — повторила она. — Кто он вам?

— Племянник, — Руслан усмехнулся. — Сын Нодиры. Она вдова, живёт здесь, я помогаю. Демир вырос у меня на глазах. Сложный парень, но надёжный. Он теперь моя правая рука, как я уже говорил. Не обращай внимания, если он кажется мрачным. Он всегда такой.

— Он меня не любит.

— Он никого не любит, — отрезал Руслан. — Не принимай на свой счёт.

Алия хотела спросить ещё, но в дверь постучали, и вошёл Азим. Бородатый, в идеальном костюме, с папкой в руках.

— Руслан-ака, — обратился он к дяде почтительно, — машина готова. Родственники уже собираются.

— Идём, — Руслан поднялся и протянул Алии руку. — Поехали, покажу тебе город.

Маргилан утром оказался совсем другим, чем вечером. Не было той плотной, давящей тишины, которая окутала его на закате. Сейчас город шумел, кричал, смеялся. Узкие улочки были полны людей. Старики в полосатых халатах сидели на чеймханах (чайханах) и неторопливо пили чай, щёлкая косточками домино. Женщины в ярких платьях несли на головах корзины с зеленью или лепёшками, ловко лавируя между прилавками. Дети бегали босиком по пыльной мостовой, гоняли мяч.

Джип ехал медленно. Алия смотрела в окно не отрываясь. Ей хотелось запомнить всё: лица, краски, звуки.

— Это базар, — сказал Руслан, когда машина свернула на площадь. — Главный в Маргилане. Здесь есть всё — от иголки до верблюда.

Они вышли. Жара навалилась сразу, тяжёлая, как одеяло. Алия зажмурилась на секунду. Демир шёл позади она слышала его шаги, чувствовала его присутствие, как холодок между лопаток. Но он не приближался, не заговаривал, просто шёл за ней тенью.

— Это рынок шёлка, — Руслан показал на крытые ряды. — Маргилан славится шёлком на весь мир. Ещё наши предки ткали здесь, при Великом Шёлковом пути. Ткани отсюда возили в Китай, Персию, даже в Рим.

Внутри было прохладно. Разноцветные рулоны шёлка ле-

жали на прилавках, переливались на свету, как драгоценные камни. Продавцы в основном женщины зазывали покупателей, предлагали потрогать ткань, приложить к лицу. Алия провела пальцами по одному рулону атласному, с золотыми нитями и вздрогнула. Ткань была живой, прохладной, с лёгким шуршанием.

— Красиво, правда? — спросила продавщица, женщина с добрыми глазами и руками в кольцах. — Это наш знаменитый хан-атлас. Раньше только ханши носили, а теперь кто хочет тот носит.

— Возьми, — Руслан кивнул продавщице. — Отрежь три метра. В подарок племяннице.

— Не надо, — начала Алия, но дядя только отмахнулся.

— Надо, дочка.

Они прошли ещё через несколько рядов: пряности горы куркумы, зиры, кориандра, шафрана, от которых кружилась голова; сухофрукты курага, изюм, чернослив, финики, инжир; орехи миндаль, грецкие, фисташки, кешью. Везде Алию угощали, зазывали, улыбались.

И везде в тени прилавков, в дверных проёмах, у чайханы стоял Демир. Не приближался, не отходил. Просто смотрел. Алия ловила себя на мысли, что ищет его взглядом, и злилась на себя за это.

— Дядя, — сказал Демир вдруг. Голос у него оказался низким, хрипловатым, с лёгкой хрипотцой. — Нам пора. Скоро гости.

— Да, да, — Руслан кивнул. — Поехали.

К обеду дом наполнился людьми.

Алия не понимала, как они все помещаются. Гостиная, двор, беседки, даже веранда всё было заставлено столами, коврами, подушками. Откуда-то появились музыканты два дойриста (игрока на домбре), барабанщик, и ещё один мужчина с непонятным инструментом, похожим на маленькую арфу.

— Это рубаб, — пояснила Лола, сидевшая рядом. — Древний инструмент. У нас каждый уважающий себя праздник без него не обходится.

— Какой праздник? — растерянно спросила Алия.

— А ты не поняла? — Лола рассмеялась. — Твой. В честь того, что ты приехала. В честь обретения семьи.

Алии стало не по себе. Она не привыкла быть в центре внимания. В Питере она была обычным аналитиком, одним из многих. Здесь на неё смотрели сотни глаз. Её обсуждали, оценивали, шептались за спиной.

— Не бойся, — Лола взяла её за руку. — Они все хотят тебе добра. Просто ты для них новость. Самая интересная за последние годы.

Гости подходили один за другим. Старики с белыми бородами, старухи в тюбетейках, мужчины в костюмах, женщины в расшитых платьях. Каждый считал своим долгом представиться, спросить о здоровье, пожелать счастья.

— Дочка Еркина! — вздохнула какая-то пожилая женщи-

на, разглядывая Алию. — Как же ты похожа на него! Глаза, брови... Еркин был красавцем, да будет земля ему пухом.

— А кто это? — шепотом спросила Алия у Лолы, когда женщина отошла.

— Тахмина-опа. Соседка. Живёт через два дома. Она знала твоего отца ещё мальчишкой.

Потом подошла группа мужчин. В центре высокий, седой, с орлиным носом и пронзительными голубыми глазами, необычными для узбека. Он был в строгом чёрном костюме, без галстука, и держался с достоинством, почти надменно.

— Азиз-ака, — Руслан поднялся навстречу и обнял его. — Спасибо, что пришёл.

— Как я мог не прийти, — мужчина говорил на чистом русском, без акцента. — Твой брат был моим другом. Его дочь — моя дочь.

Он посмотрел на Алию, и в его глазах мелькнуло что-то тёплое, почти отцовское.

— Алия, — сказал он, взяв её за руку. — Меня зовут Азиз Каримов. Я работал с твоим отцом. Познакомился с ним за год до его гибели. Мы... многое пережили вместе.

— Приятно познакомиться, — выдавила Алия.

— Тебе, наверное, странно всё это, — Азиз усмехнулся. — Чужая страна, чужие люди, а они называют тебя своей. Но ты привыкнешь. В этой земле твоя кровь, как бы далеко ты ни жила.

Он поцеловал её в лоб и отошёл к другим мужчинам.

Дальше вереница лиц. Алия перестала запоминать имена. Кто-то принёс подарки кто-то отрез шёлка, кто-то золотую цепочку, кто-то сладости в красивой коробке. Все они улыбались, говорили тёплые слова, и у Алии было такое чувство, что она смотрит на себя со стороны на бледную девушку в белом платье, которая сидит среди роскошных ковров и ярких тканей, как белая ворона.

— Плов! — крикнул кто-то.

Началось застолье. Музыканты заиграли громче. Женщины разносили огромные блюда.

Алия ела мало, но пила много. Чая. Воды. Сока. Жара выматывала, голова кружилась, и она то и дело ловила себя на мысли, что ищет взглядом Демира.

Он был здесь. В углу двора, у виноградной беседки. Стоял и смотрел куда-то в сад. Рядом с ним женщина в белом платке, его мать Нодира. Они о чём-то говорили, но негромко, почти шёпотом. Гульнара, младшая, держалась чуть поодаль, потупив глаза.

Алия поймала себя на том, что рассматривает Демира. Плечи широкие, руки сильные, с выпуклыми венами. Кожа смуглая, обветренная, как у человека, который много времени проводит на солнце. Лицо красивое, но какое-то застывшее, как маска. И шрам тонкая белая линия от правой брови к виску.

— Не смотри на него, — шепнула Лола. — Он этого не любит.

— Я просто... — начала Алия.

— Я знаю, — перебила Лола. — Он на всех так действует.

Не бери в голову.

К пяти часам вечера Алия совершенно вымоталась. Гости всё прибывали, музыка гремела, кто-то пустился в пляс, и несколько женщин в ярких платьях кружились посреди двора, звеня браслетами.

— Мне нужно отдохнуть, — сказала Алия Лоле.

— Пойдём, — та взяла её за руку. — Я покажу тебе тихое место.

Они прошли через дом, мимо кухни, где женщины сушили у огромных казанов, потом через кладовую с запахом сушёных трав, и вышли в маленький внутренний дворик, скрытый от глаз густыми кустами жасмина.

— Здесь сад твоего деда, — сказала Лола. — Он любил это место. Никого сюда не пускал, только самых близких.

Дворик был крошечным. Фонтан в виде чаши, скамейка, увитая виноградом, и стена, покрытая плиткой с синими и бирюзовыми узорами. Тихо, прохладно, пахло жасмином и мятой.

— Спасибо, — Алия опустилась на скамейку. — Я сейчас усну.

— Поспи, — Лола улыбнулась. — Я посторожу. Никто сюда не придёт.

Алия закрыла глаза. Голова была тяжёлой, мысли путались. Она почти заснула, когда услышала шаги.

Кто-то вошёл во дворик. Тяжёлые, уверенные.

Алия открыла глаза.

Демир стоял в двух шагах, прислонившись к стене. Смотрел прямо на неё.

— Ты здесь давно? — спросила она севшим голосом.

— Достаточно, — ответил он. Голос у него был ровный, без эмоций.

— Ты следишь за мной.

— Нет.

Алия встала. Она была ниже него на голову, и ей пришлось запрокинуть лицо, чтобы смотреть в глаза.

— Ты не любишь меня, — сказала она. — Почему?

Демир усмехнулся. Первая эмоция, которую она у него увидела горькая, почти злая усмешка.

— За что мне тебя любить? — сказал он.

— Тогда зачем ты здесь?

Он развернулся и ушёл. Алия осталась одна. В руках она сжимала подол платья, и пальцы дрожали то ли от усталости, то ли от чего-то другого.

Лола вернулась через пять минут.

— Всё в порядке? — спросила она, глядя на Алию с тревогой.

— Да, — кивнула Алия. — Всё хорошо.

Но это было неправдой.

Следующие дни потекли размеренно, как вода в арыках.

Алия привыкала к новому ритму. Подъём в семь солнеч-

ный свет уже заливал комнату, птицы орали на всю округу, и снизу тянуло запахом свежих лепёшек. Завтрак с женщинами чай, масло, творог, иногда горячая самса. Потом либо экскурсия, либо приём гостей, либо поездка на поля.

В первый же рабочий день Руслан повёз её на хлопкоочистительный завод.

— Это сердце нашей империи, — сказал он, когда джип остановился у высоких ворот. — Сюда привозят хлопок-сырец с полей, здесь его очищают, прессуют, сортируют. Дальше на текстильные фабрики. А часть на экспорт.

Завод оказался огромным. Грохот машин, запах масла и хлопковой пыли, работники в синих комбинезонах, снующие туда-сюда. Руслана встречали с почётом начальники цехов жали руку, докладывали о планах, жаловались на поломки и нехватку рабочих рук.

Алия слушала, впитывала, задавала вопросы. Она всё ещё была аналитиком цифры, процессы, эффективность. Руслан, кажется, одобрял.

— Толковая, — сказал он как-то Демиру, когда они вышли из цеха. — Не просто смотрит, а видит. Дед не ошибся.

Демир промолчал. Он был всегда рядом за рулём, в тени, в углу комнаты. Он не заговаривал первым, не смотрел в глаза, но Алия чувствовала его присутствие кожей. Иногда ловила его взгляд быстрый, тёмный, ничего не выражающий. И снова пустота.

Через три дня после праздника к Алие подошла Нодира.

Это случилось утром, когда Алия сидела в саду с книгой взяла с собой из Питера детектив, чтобы убить время. Нодира вышла из дома, села на скамейку напротив и долго молчала, глядя на фонтан.

— Можно? — спросила она наконец.

— Конечно, — Алия отложила книгу.

Нодира говорила медленно, с паузами, как будто каждое слово давалось с трудом.

— Ты похожа на своего отца, — сказала она. — Я знала его. Мы росли вместе. Еркин был... светлым. Добрым. Все его любили.

— Расскажите о нём, — попросила Алия. — Пожалуйста.

— Он любил лошадей, — Нодира улыбнулась воспоминаниям. — Мог часами возиться в конюшне, чистить, кормить. Говорил, что в лошадях есть что-то... настоящее. Честное. Он любил твою мать. Очень. Когда они встретились, он не спал ночами, писал стихи. Я в детстве нашла его тетрадь, он меня за это отлупил, — она усмехнулась. — Но стихи были красивые.

— Почему он погиб?

Нодира замолчала. Надолго.

— Не сейчас, — сказала она наконец. — Не сегодня. Ты ещё не готова.

— Я готова, — возразила Алия.

— Нет, — твёрдо сказала Нодира. — Не готова. И я не имею права.

Она встала, поправила платок и ушла, оставив Алию с книгой и сотней вопросов без ответов.

В конце первой недели Руслан уехал на два дня в Ташкент по делам. Перед отъездом он позвал Алию в кабинет.

— Я оставляю Демира за старшего, — сказал он. — Если что-то нужно обращайся к нему. Или к Замире.

— К Демиру? — Алия не скрыла удивления.

— Он надёжный. Справится. И ты не бойся его. Он просто... сложный. Как и все мы.

После отъезда дяди дом стал тише. Мужчины разъехались по своим делам, женщины занимались хозяйством, дети бегали в саду. Алия не знала, чем себя занять. Лола предложила пойти на базар.

— Демир велел тебя не выпускать, — сказал водитель, когда они садились.

— Демир велел? — переспросила Алия. — А ты кто?

— Шухрат.

Базар был таким же шумным и пёстрым, как и в прошлый раз. Лола тащила Алию от прилавка к прилавку, покупала фрукты, специи, сладости, рассказывала о каждом продавце.

— Это Шарифа, она торгует тут двадцать лет. Это Карим, у него самый лучший урюк во всей долине. Это Зульфия, её муж погиб в аварии, она одна растит троих детей.

— Ты всех знаешь, — удивилась Алия.

— Это маленький город, — пожалала плечами Лола. — Здесь все всех знают.

Они купили огромную дыню, персики, виноград и завернули всё в мешковину. Шухрат нёс покупки, Алия и Лола шли впереди.

— А почему Демир такой... — начала Алия и не закончила.

— Какой?

— Не знаю. Отстранённый. Злой.

Лола вздохнула.

— У него была девушка, — сказала она тихо. — Два года назад. Её звали Мадина. Они собирались жениться. Но за месяц до свадьбы она пропала. Нашли через три дня в арыке. Утонула. Или... не сама. Демир тогда чуть с ума не сошёл. Искал убийц, нашёл говорят, это были конкуренты Руслана, которые хотели надавить через него. Но доказательств не было.

— И вы живёте в одном доме?

— Это дом деда, — сказала Лола. — Здесь все живут. Но дира она вдова, ей некуда идти. Демир её сын, он мужчина, он должен заботиться о матери и сёстрах. Но дядя помогает. Оплачивает всё. Демир работает на него. Так заведено.

На десятый день Алия проснулась с твёрдой мыслью: она хочет увидеть поля. Не с трассы, не из окна джипа, а внутри, в самой гуще.

Руслан ещё не вернулся из Ташкента, поэтому она пошла к Демиру.

Она нашла его в гараже. Он возился с мотором джипа,

весь в масле, с ключом в руке. Когда Алия вошла, он даже не поднял головы.

— Демир, — сказала она.

— Слушаю.

— Отвези меня на поля.

Он наконец поднял глаза. Тёмные, усталые, с красными прожилками — может, не спал ночь.

— Зачем?

— Хочу посмотреть.

— На что?

— На хлопок. На то, чем живёт ваша семья.

Он усмехнулся.

— Скоро дядя приедет, он тебе покажет.

— Я хочу сейчас.

Демир вытер руки ветошью, посмотрел на неё долгим взглядом.

— Ты упрямая, — сказал он.

— Знаю.

— Поехали.

Джип выехал за город. Полчаса по разбитой дороге мимо кишлаков, осликов, запряжённых арбами, мимо мечетей и старых кладбищ с покосившимися надгробиями. Потом поля открылись внезапно бескрайнее белое море, колышущееся на ветру.

Алия вышла из машины и ахнула.

Хлопок был везде. Низкие кусты с зелёными листьями и

белыми пушистыми коробочками, похожими на маленькие облака. Воздух пах сухой травой, пылью и чем-то сладковатым. Где-то вдалеке работал комбайн, и к нему тянулась вереница мешков.

— Потрогай, — сказал Демир, подходя ближе.

Алия опустилась на корточки, осторожно взяла коробочку в руку. Хлопок оказался мягким, почти невесомым, с тёплой, живой текстурой.

— Срывают так, — Демир показал — быстро, ловко, одним движением. — Сначала самый спелый. Потом остальное. Если опоздать коробочки раскроются, хлопок упадёт на землю, и всё пропало.

— Тяжело, наверное.

— Да. Люди работают от зари до зари. Спины не разгибают. Платят копейки.

Он говорил без злости, просто констатировал факт.

Он повернулся и пошёл вдоль поля. Алия пошла за ним.

Они молчали долго. Шли между рядами, и хлопок касался их рук, белых штанин, лиц. В какой-то момент Демир остановился, достал фляжку с водой, сделал глоток, протянул Алии.

— Хочешь?

Она взяла. Вода была тёплой, с привкусом металла, но она пила жадно.

— Почему ты со мной разговариваешь? — спросила она, возвращая фляжку. — Ты же почти ни с кем не говоришь.

— Не с кем, — ответил он.

Эти слова повисли в воздухе. Алия смотрела на его профиль — острый нос, жёсткая линия челюсти, шрам.

— Лола рассказала мне про Мадину, — сказала она тихо. Демир замер. Весь. Как зверь, почуявший опасность.

— Тебе то, что, — глухо сказал он.

— Я хотела сказать, что мне жаль.

Он посмотрел на неё. Впервые прямо, без той пустоты, которая обычно затягивала его глаза. В них была боль. Настоящая, незажившая.

— Поехали обратно, — сказал он и развернулся к машине.

Алия не спорила.

Во вторую неделю Алия начала привыкать. Она уже знала, где какая ложка лежит, как здороваться со старейшинами, что отвечать на вопросы о Питере и маме. Она выучила несколько слов на узбекском — «рахмат» (спасибо), «хайрли тонг» (доброе утро), «яхши» (хорошо). Женщины перестали смотреть на неё как на диковинку и начали относиться как к своей.

— Ты молодец, — сказала Замира как-то за ужином. — Не капризничаешь, не брезгуешь, учишься. Дед был бы рад.

Алия улыбнулась. Ей было приятно, хотя внутри всё ещё жил холодок ощущение, что она здесь ненадолго, что скоро всё кончится и она вернётся в Питер, к своей кошке Люсе, к Максиму, к привычным дождям.

Максим звонил каждый день. Коротко, по делу. Он сдал объект, получил премию, скучал, спрашивал, когда она вернётся.

— Ещё не знаю, — отвечала Алия. — Дела не закончены.

— Какие дела? Ты же говорила, просто подписать бумаги.

— Оказалось, сложнее.

Максим вздыхал в трубку. Алия чувствовала его беспокойство через тысячи километров, через помехи связи.

— Я люблю тебя, — говорил он перед тем, как повесить трубку.

— И я тебя.

Но слова звучали всё тише, как будто расстояние высасывало из них силу.

С Кариной они переписывались в мессенджере. Подруга засыпала вопросами: «Как они? Не обижают? Что за люди?» Алия отвечала уклончиво. Не потому, что не хотела рассказывать, а потому, что сама не понимала, что происходит.

На тринадцатый день приехала ещё одна партия родственников из Самарканда. Старший брат деда, Ахмад, глубокий старик с белой бородой до пояса, опирался на трость из слоновой кости и говорил только на узбекском. Лола переводила.

— Он говорит, что ты настоящая Умарова, — шептала она. — У тебя наш характер. Упрямство в глазах.

Ахмад подарил Алии кольцо массивное, серебряное, с би-

рюзой. Старинное, с выцарапанными на внутренней стороне иероглифами.

— Это кольцо носили женщины нашего рода, — перевела Лола. — Передавалось от матери к дочери. Но у тебя не было матери-Умаровой, поэтому он отдаёт тебе сам. Береги.

Алия надела кольцо на палец. Оно было тяжёлым, чуть великоватым, но тёплым как будто в нём хранилось тепло всех женщин, носивших его до неё.

В тот же вечер она вышла в сад подышать. Луна стояла высокая, жёлтая, освещала кусты роз и фонтан. В беседке кто-то сидел.

Демир.

Он пил чай один, без компании. Увидев Алию, не двинулся с места.

— Можно? — спросила она.

— Садись.

Она села напротив. В лунном свете его лицо казалось высеченным из камня — красивым и страшным одновременно.

— Почему ты не спишь? — спросил он.

— Думаю.

— О чём?

— Не твоего ума дело.

Демир отставил пиалу.

— Ты здесь, потому что дед хотел, — сказал он. — А дальше... выбирай сама.

— Ты бы остался на моём месте?

Он долго молчал.

— Иди спать, — сказал он.

Он ушёл, а она осталась. Луна поднялась выше. Где-то вдалеке лаяли собаки. Алия сжимала кольцо на пальце и думала о том, что мир, который она знала, рассыпался на куски, а новый ещё не собрался.

Четырнадцатый день стал последним днём второй недели.

Утром Алия проснулась с твёрдым решением. Она зашла в кабинет Руслана — он вернулся накануне вечером — и положила на стол список.

— Что это? — спросил дядя, надевая очки.

— Вопросы. По документам, которые я подписывала в первый день.

Руслан долго смотрел на неё. В его глазах промелькнуло что-то — уважение? Или раздражение?

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я приглашу сотрудников компании. Но не сегодня. Сегодня у нас другой день праздник окончания уборки хлопка.

— Я не поеду.

— Поедешь, — улыбнулся Руслан. — Это традиция. И тебе полезно.

Праздник проходил на центральном поле. Сотни людей в яркой одежде, накрытые столы прямо на траве, музыка, танцы, плов в огромных казанах. Алия стояла в стороне, смотрела, как работники полей в основном женщины в платках и грубых перчатках танцуют, поют, смеются.

Они стояли рядом, плечом к плечу, и смотрели на танцующих. Кто-то протянул Алие пиалу с чаем. Демир взял вторую.

— Ты уезжаешь? — спросил он не глядя.

— Скоро. Наверное.

— Правильно.

— Почему?

Он ушёл в толпу, и Алиа осталась одна. С чаем в руке, с кольцом на пальце, с чувством, что этот день конец чего-то и начало чего-то нового.

Вечером она позвонила Максиму.

— Я вернусь через неделю, — сказала она.

— Наконец-то, — выдохнул он. — Я жду.

— Я тоже.

Она повесила трубку, легла на кровать и долго смотрела в потолок. За стеной сёстры Демира о чём-то спорили, мать их успокаивала. Где-то внизу Руслан говорил с кем-то по телефону на узбекском, быстро и зло.

Алиа закрыла глаза. Перед внутренним взором встало поле. Бескрайнее, белое, колышущееся на ветру. И фигура в чёрной футболке, стоящая посреди него. Одинокая, как волк.

Она не знала, что её ждёт впереди. Но чувствовала — эта поездка изменила её навсегда. И даже если она вернётся в Питер, часть её останется здесь. В Маргилане. В хлопковых коробочках.

Алия уснула под тихое пение сверчка за окном.
Где-то далеко, за тысячи километров, шёл дождь.
А здесь было утро нового дня.

Глава 4

Ночь укутала Маргилан черным бархатом, когда Демир выскользнул из дома через черный ход. Никто не слышал его шагов он умел двигаться бесшумно, как тень, как те хищники, что выходят на охоту в темноте. Кожаная куртка, черные джинсы, берцы. Телефон в режиме полета. Под курткой «Глок» 19, пристегнутый к пояснице, и запасная обойма в кармане.

Руслан дал задание за час до полуночи.

— Выезжай к старому мосту, — сказал он, не глядя на Демира, листая какие-то бумаги в кабинете. — Там будут люди Шарипова. Скажут, что хотят пересмотреть долю на экспорт. Наглые. Прижми их. Но без лишнего шума.

— Понял.

— Демир.

— Да.

— Если полезут — отвечай. Вопрос жизни и смерти.

Демир кивнул и вышел. Он не задавал лишних вопросов уже много лет. Руслан платил, Руслан защищал его мать и сестер, Руслан дал ему цель, когда мир рассыпался на осколки после смерти отца. Демир был должен. И долг этот измерялся не деньгами, кровью.

Он сел в черный «Ленд Крузер», завел двигатель и выехал

за ворота. В зеркале заднего вида мелькнул свет в окне Алии. Она не спала. Опять. Эта девчонка не спала каждую ночь ворочалась, включала свет, ходила по комнате. Демир знал, потому что его комната была через две стены, и он тоже не спал. Никогда.

Дорога до старого моста заняла двадцать минут. Там, у обрыва над пересохшим руслом реки, уже ждали три машины. Фары погашены, двигатели заглушены. Демир остановился в ста метрах, вышел, держа руку на поясе.

Луна висела низко, желтая, как больной глаз.

Из первой машины вышел Азим. Бородатый, в черном костюме, без галстука. Его лицо в темноте казалось высеченным из камня.

— Один? — спросил Демир.

— Один. Остальные в засаде. Если пойдут против — начнется.

— Кто с ними?

— Где-то... — Азим посмотрел на темные холмы справа. — Их четыре человека. Во главе с Махмудом. Племянник Шарипова. Молодой, горячий. Хочет доказать, что он не мальчик.

Демир усмехнулся. Такие всегда опасны — им нечего терять, кроме репутации.

Фары дальней машины мигнули три раза. Сигнал.

— Идут, — сказал Азим.

Из темноты выступили четверо. Впереди высокий парень

лет двадцати пяти, в кожаной куртке нараспашку, с открытой грудью, в цепях. Махмуд. Его лицо было красивым в той опасной, хищной манере, которая нравится девушкам и приводит к бедам. За ним трое коренастые, бритые, с тяжелыми челюстями. Один держал биту, другой цепь, третий держался за пояс, где угадывался пистолет.

— Демир, — Махмуд остановился в пяти шагах, улыбнулся. — А где Руслан-ака? Струсил? Шестерку прислал?

— Дядя занят, — ровно ответил Демир. — Говори, зачем позвал.

— Доля, — Махмуд сплюнул на землю. — Ваши проценты слишком жирные. Мы хотим пересмотреть. Семьдесят на тридцать в вашу пользу — это грабеж.

— Договор подписан два года назад.

— Тогда не было войны, — Махмуд шагнул ближе. — А теперь есть.

Демир не двинулся с места. Он стоял, опустив руки, расслабленный, как перед ударом. Азим за его спиной замер, готовый сорваться.

— Войны не будет, — сказал Демир тихо. — Убирайтесь.

— А если нет?

Махмуд сделал знак рукой. Его люди двинулись в стороны, окружая. Биту в правой руке, цепь звякнула.

— Убирайтесь — Демир поднял глаза.

В них не было ничего. Пустота. Та самая пустота, которая пугала даже Азима.

Махмуд рассмеялся. И в этот момент третий, с пистолетом, начал вынимать оружие.

Демир двигался быстрее мысли.

Выстрел первый, в плечо. Пистолет выпал. Второй выстрел в биту, в руку, державшую оружие. Крик. Третий в ногу тому, кто бежал с цепью. Четвертый в воздух, над головой Махмуда.

Все заняло три секунды.

Махмуд стоял, широко раскрыв глаза. Его люди корчились на земле, хрипели, держались за раны. Ни один не был убит Демир бил точно, но не насмерть. Предупреждение.

— Увози их, — сказал Демир, убирая пистолет. — И передай Шарипову, что следующая встреча будет другой. Если он не уgomонится.

Махмуд молча кивнул. Он был бледен, губы тряслись.

Демир развернулся и пошел к машине. Азим остался разбираться, добивать переговоры, забирать оружие.

— Демир, — окликнул Азим. — Ты куда?

— По делам.

— Руслан велел вернуться.

— Скажешь — заехал по личному.

Демир сел в машину и уехал в ночь.

Он знал, куда ехать. В Мехри. Единственный человек в Маргилане, которому он доверял. Единственная, кто не задавала вопросов.

Мехри жила на окраине города, она была татуировщицей

лучшей в Ферганской долине. Ее руки помнили сотни историй, вплетенных в кожу. И она помнила каждую точку на спине Демира.

Он вошел без стука. В доме горел тусклый свет. Мехри сидела в кресле, читала книгу, попивала зеленый чай. Увидев его, не удивилась.

— Опять? — спросила она.

— Опять.

— Сколько?

— Четыре.

Мехри вздохнула, отложила книгу и встала. Она была невысокой, худой, с руками, покрытыми татуировками от пальцев до плеч. Цветы, птицы, арабская вязь. Каждый рисунок имел историю, которую она рассказывала только тем, кто спрашивал.

— Раздевайся, — сказала она.

Демир снял куртку, стянул футболку. Его тело было покрыто шрамами старыми, новыми, белыми и розовыми. Но главное было на спине.

Мехри подошла сзади, включила лампу.

— Садись.

Он сел на табурет, спиной к ней. Мехри провела пальцами по его коже, считая точки.

— Рисуй.

Мехри молча взяла иглу, чернила. Она работала быстро и точно. Каждый укол был маленькой смертью, которую Де-

мир принимал молча. Он не дергался, не вздыхал. Только смотрел в стену пустыми глазами.

Она рисовала не просто точки. Спираль. Начинающуюся от позвоночника и расходящуюся кругами. Каждый круг десятков выстрелов. Каждая точка одна пуля, попавшая в цель.

Демир закрыл глаза.

— Готово, — сказала Мехри.

Демир встал, подошел к зеркалу. Спираль на спине теперь достигала почти сорока одного витка. Черная, четкая, как навигационная карта безумия.

— Скоро не останется места, — сказала Мехри.

— Найдешь.

— Демир... — она помолчала. — Сколько еще?

— Пока не умру.

Он надел футболку, куртку. Достал из кармана пачку денег, положил на стол.

— Не надо, — Мехри отодвинула деньги.

— Надо.

— Я не беру за боль.

— Это не боль, — Демир усмехнулся. — Это плата за молчание.

Он вышел, не прощаясь.

Дорога домой заняла полчаса. Демир ехал медленно, окна открыты, горячий ветер бил в лицо. В голове звон. После каждой перестрелки у него звенело в ушах. Врачи называли это посттравматическим синдромом. Демир называл это му-

зыкой.

Он вернулся в дом под утро. Проскользнул в свою комнату на мансарде. Стены голые, мебели минимум: кровать, тумбочка, стул. На тумбочке пистолет, запасные обоймы, нож.

Демир лег на кровать, не раздеваясь. Только снял берцы и поставил их у изголовья. Пистолет под подушку. Нож под вторую подушку. Всегда. Каждую ночь. Даже если он в доме Руслана, под охраной, с закрытыми воротами и вооруженными людьми.

Он закрыл глаза.

И сон пришел сразу.

Пещера.

Он снова в пещере.

Холодно, сыро, пахнет землей и кровью. С потолка капает вода — кап-кап-кап. Где-то далеко кричат, но звук приглушен, как будто через вату.

Демир — мальчик. Ему лет десять. Он сидит на корточках в углу, обхватив колени руками. Рядом отец. Султан. Сильный мужчина с черной бородой, в дорогом костюме, который теперь разорван и залит кровью. Глаза отца умные, добрые, всегда смотревшие на мир с хитринкой сейчас мутные от боли.

— Папа, — шепчет Демир. — Папа, мы уйдем?

Отец молчит. Его руки привязаны к стулу веревками. Лицо разбито губа рассечена, глаз заплыл, из носа течет кровь. На запястьях следы от наручников, глубокие, до кости.

— Папа!

— Молчи, сынок, — голос отца хриплый, слабый. — Молчи и не смотри.

Но Демир смотрит. Потому что не может отвернуться.

Входят двое. В масках, с ножами. Один подходит к отцу, берет его за волосы, задирает голову.

— Где документы, Султан? — голос глухой, искаженный маской. — Где подписанные бумаги на передачу компании?

— Какой компании? — Отец плюет кровью. — «Маргилан-экспорт» — мое дело. Я его построил. С нуля.

— Есть тот, кто хочет получить твой бизнес. Тихо. Без шума. Просто подпиши — и мы отпустим тебя и мальчика.

— Человек в маске усмехнулся.

— Я не подпишу.

— Подпишешь.

Человек берет нож. Демир хочет закричать, но не может. Голос пропал. Только слезы, беззвучные, горячие, текут по щекам.

— Где бумаги?

Отец кричит. Так, как Демир никогда не слышал. Кричит долго, страшно, срывая горло.

— Не подпишу! — орет он. — Это мое! Я не отдам бандитам!

— Скажи спасибо, что мы не тронули твою жену и дочерей. Пока...

При упоминании матери Демир вздрагивает. Он хочет

броситься к отцу, ударить этих людей, но тело не слушается. Он только сжимается сильнее, прячет лицо в коленях.

Второй человек в маске подходит к нему. Берет за подбородок, поднимает лицо.

— Может, сынок знает, где папа хранит документы?

Демир смотрит в черные дыры глаз. Оттуда пахнет смертью.

— Не трогайте его! — отец дергается, веревки впиваются в запястья, рассекая кожу. — Он ничего не знает! Он ребенок! Оставьте его!

— Дети тоже говорят. Иногда и правду.

Человек достает маленький нож. Проводит лезвием по щеке Демира — холодно, остро. Кровь капает на футболку.

— Где бумаги, мальчик?

Демир молчит. Он не знает никаких бумаг. Он знает только, что его отец честный человек.

Нож опускается ниже к шее.

— Где?

— Не трогайте его! — отец кричит уже не своим голосом. — Я скажу! Я все скажу! Только отпустите сына!

Отец замолкает. Потом, тихо, с ненавистью, называет место. Тайник в конторе.

Человек в маске кивает. Второй выходит, чтобы проверить.

Они ждут. Долго. Вода капает с потолка. Отец смотрит на Демира. В его глазах — любовь, прощение и прощание.

— Ты будешь сильным, — шепчет он. — Сильнее меня. Обещай.

Демир кивает. Он не понимает, что значит «сильным». Он знает только, что сейчас отец умрет.

Человек возвращается. Кивает. Бумаги нашли.

— Можем отпустить, — говорит первый. — Но нужно быть уверенными, что он никому не расскажет.

— Я никому не скажу, — шепчет отец.

— Конечно, не скажешь.

Выстрел.

Один. В затылок.

Тело отца обмякает, падает на пол, заливая красным каменную крошку. Глаза остаются открытыми. Смотрят на Демира. Все еще любящие. Все еще прощающие.

Демир хочет закричать, но из горла выходит только хрип.

Человек в маске смотрит на него.

— Скажешь хоть слово, и ты следующий. И мать твоя. И сестры.

Они уходят. Оставляют его в пещере. С трупом отца.

Демир просыпается.

Сердце колотится как бешеное. Футболка мокрая от пота. Пистолет в руке он выхватил его во сне, как делал сотни раз. Предохранитель снят. Палец на спусковом крючке.

Он смотрит на пустую стену. Дышит. Считает до десяти.

Отец умер в той пещере. Ему было тридцать восемь лет. У него была компания, семья.

Демира не тронули, но оставили, привязали к стулу рядом с телом, и он сидел там два дня, пока не пришли люди Руслана? Помнил только, как его отвязали, вывели на свет, и он впервые за сорок восемь часов увидел солнце.

Слепило так, что хотелось вырвать глаза.

С тех пор он не спит без оружия. С тех пор он не раздевается на ночь. С тех пор он не верит никому, кроме себя.

И с тех пор у него один сон. Один и тот же. Пещера. Отец. Ножи. Кровь.

И слова, которые отец сказал перед смертью: «Ты будешь сильным. Сильнее меня».

Демир стал сильным. Но заплатил за это душой.

Демир встал, прошел в маленькую душевую, встал под ледяную воду. Дрожал. Не от холода от злости. Злости на себя, что не смог защитить отца. Злости на мир, который устроен так, что слабые умирают, а сильные выживают.

Он оделся во все черное, как всегда. Черная футболка, черные джинсы, черные берцы. Черная куртка, даже когда плюс тридцать. Черный цвет его души, если душа вообще может иметь цвет.

Демир вышел в коридор. В доме было тихо пока все спали. Он прошел в гостиную, сел у окна, глядя, как занимается рассвет. Желтый, тяжелый, как расплавленный металл.

Из комнаты дяди донеслись голоса.

Демир напрягся. Он знал все голоса в доме, знал их интонации, паузы, настроения. Сейчас говорили двое — Руслан

и Азим.

— Она подписала, — это Азим. Голос тихий, почти шепот. — Все документы в порядке.

— Нотариус подтвердил? — Руслан.

— Да. Доля закреплена. Если с ней что-то случится...

— Переходит ко мне. Как главному мужчине рода.

— Именно.

Пауза. Демир замер. Но ноги не двигались. Тело слушалось инстинктов старше любого приказа.

— Она должна умереть, — сказал Руслан спокойно, как о погоде. — Завтра.

— Завтра? — Азим удивился. — Так быстро?

— Чем быстрее, тем меньше вопросов. Пока она не начала копать, пока не нашла то, что дед спрятал. Пока не узнала про отца.

— И как?

— Вывезешь на поля. Скажешь, что дядя велел показать дальние участки. Там, у старого колодца, ни души. Сделаешь и вернешься.

— Она ничего не заподозрит?

— Она доверчивая. Не понимает, как мы живем. Думает, что семья — это святое.

Руслан усмехнулся. Жестко, зло.

— Семья — это бизнес, Азим. И в этом бизнесе либо ты, либо тебя.

— Понял. Завтра все сделаю.

— Иди.

Шаги Азима приблизились к двери. Демир бесшумно отступил в тень коридора, за тяжелую портьеру. Азим прошел мимо, не заметив. Демир выждал минуту, затем вернулся в свою комнату.

Он сел на кровать, уставившись в пол.

Руслан хочет убить Алию.

Руслан, который много лет защищал его мать и сестер. Руслан, который вытащил его из пещеры. Руслан, который дал ему кров, работу, цель. Руслан, который говорил, что они семья.

Убить Алию. Девчонку, которая прилетела из Питера. Которая ничего не понимает в их делах, в их войнах, в их крови. Которая смотрит на мир широко открытыми глазами и до сих пор верит, что правда существует.

Демир закрыл глаза. Перед ними встало ее лицо. Бледное, веснушчатое, с усталыми, но живыми глазами. «Ты не любишь меня. Почему?» — спросила она тогда в саду.

Почему? Потому что нельзя любить того, кто может умереть завтра.

Потому что Демир уже любил. И она умерла.

Она утонула в арыке или ее утопили. Демир так и не нашел доказательств. Только подозрения, которые жгли его изнутри, превращая в камень. Он искал убийц, нашел говорят, это были люди Шарипова, которые хотели надавить на Руслана через него. Но доказательств не было. Только кровь на

руках не тех, кого нужно.

После Мадины Демир поклялся больше не привязываться. Не чувствовать. Не страдать.

Демир провел рукой по лицу. Усталость была такой глубокой, что кости ныли. Он не спал нормально уже много лет кусками, по два-три часа, всегда с оружием, всегда наготове.

Он не знал, почему решил ее спасти. Может, потому что она была похожа на отца светлая, добрая, не от мира сего. Может, потому что в ее глазах он иногда видел себя потерянного, ищущего правду в мире, где правды нет. Может, просто потому что он устал убивать.

Но Алия не умрет. Не завтра. Не от руки Азима.

Он не спал больше. Ждал утра.

Утром, как обычно, Алия спустилась к завтраку. Демир видел ее из своего угла белое платье, кольцо на пальце, усталые, но живые глаза. Она улыбалась женщинам, пила чай, ела лепешку.

Руслан был сама любезность.

— Алия, дочка, как спалось?

— Хорошо, спасибо.

— У меня к тебе предложение. Азим съездит сегодня на дальние поля, покажет тебе наши новые участки. Там хлопок высшего сорта, в следующем году будем расширяться. Хочешь посмотреть?

Алия улыбнулась.

— Да, конечно. Я давно хотела увидеть, как работают

сборщики.

— Вот и отлично. — Руслан кивнул Азиму. — Выезжайте через час.

Демир стоял в углу столовой, пил чай, не глядя ни на кого. Его лицо было непроницаемым, как всегда. Никто не заметил бы ничего ни напряжения в челюсти, ни пальцев, сжимающих пиалу так, что побелели костяшки.

Он ждал.

Через час Азим и Алия выехали. Джип черный, тонированный покотил по главной дороге, свернул на грунтовку, потом на полевую дорогу.

Демир дал им форы. Потом подошел к Руслану.

— Дядя, — сказал он. — Мне нужно съездить в город.

— Езжай, — кивнул Руслан, не отрываясь от бумаг.

Демир вышел, сел в свою машину и уехал.

А скорее погнал.

Он знал дорогу как свои пять пальцев. Знал, куда Азим повезет Алию к старому колодцу, на границе земель, где никто не ходит. Руслан говорил при нем.

Сто тридцать. Сто сорок. По грунтовке, где и пятьдесят опасно. Пыль клубилась за окном, камни стучали по днищу, но он не сбавлял скорость.

Он успеет. Должен успеть.

Алия вышла из машины и огляделась.

Поля здесь были другими не такими ухоженными, как возле города. Сорняки, редкие кусты хлопка, потрескавшаяся-

ся земля. Вдалеке виднелся старый колодец из серого камня.
— Зачем мы здесь? — спросила она. — Здесь же никто не работает.

— Руслан велел показать границу, — Азим вышел из-за руля, подошел к ней. — Здесь скоро будет новая оросительная система.

Алия нахмурилась. Что-то было не так. Азим стоял слишком близко. И рука его в кармане куртки. И взгляд не такой, как обычно.

— Азим, — сказала она медленно. — Что происходит?

— Ничего, хонум. Просто прогулка.

Он вынул руку из кармана. В ней был пистолет. Черный, с глушителем.

Алия отступила на шаг. Сердце ухнуло в пятки.

— Зачем? — прошептала она. — Зачем ты это делаешь?

— Приказ, — Азим поднял пистолет, направляя ей в лоб.

— Прости.

— Дядя? — голос Алиии дрожал, но она старалась говорить ровно. — Приказал меня убить?

— Твоя доля переходит к нему. Таков закон.

— Но я же живая! — она подняла руки, как будто это могло остановить пулю. — Я его племянница! Дочь его брата!

— Бизнес, Алия, — Азим вздохнул. — Ничего личного.

Она смотрела в черное дуло и не могла поверить. Это не могло происходить с ней. Не здесь, не сейчас. Она только начала привыкать, только начала понимать этот мир, только

начала...

— Посмотри на меня! — крикнула она. — Посмотри, Азим! Я живая! Я дышу! Мое сердце бьется! Как ты можешь? Как ты можешь убивать живое?

Азим колебался. Секунду. Две. Его палец на спусковом крючке дрогнул.

И в этот момент они услышали рев мотора.

Джип вылетел из-за холма на бешеной скорости, подпрыгнул на кочке, приземлился на четыре колеса и затормозил в облаке пыли в двадцати метрах от них.

Дверь распахнулась.

Демир вышел из машины. Черная футболка, черные джинсы, черные берцы. Пистолет в правой руке, поднятый вверх. Его глаза горели не пустотой, а огнем.

— Азим! — заорал Демир. Голос его разнесся над полем, как выстрел. — Не смей!

Азим обернулся. Его рука с пистолетом дернулась, но опустить оружие он не спешил.

— Демир, уйди, — сказал он. — Это не твое дело.

— Это мое дело! — Демир шагнул вперед. — Убери пистолет, Азим.

— Приказ Руслана.

— Мне плевать!

— Азим! — Демир подошел вплотную. Дуло его пистолета упиралось в грудь Азиму. Второе дуло Азима смотрело в живот Демиру. — Это убийство. Она невиновна.

— Никто не невиновен, — процедил Азим.

— Она. — Демир не отводил взгляда. — Отпусти ее.

Глаза в глаза. Два охотника. Два человека, привыкших убивать. Между ними девушка в белом платье, с кольцом на пальце, с дрожащими губами.

Азим сдался первым. Опустил пистолет, убрал его в кобуру.

— Руслан сам скажешь, — сказал он.

— Скажешь ему сам, что я увез ее. Что она под моей защитой. Что если кто-то тронет ее — я приду за ним.

Демир схватил Алию за руку, дернул к машине, открыл дверь, почти затолкал внутрь. Сам сел за руль, завел двигатель, развернулся и уехал.

Азим остался стоять посреди поля, глядя вслед.

Машина летела по пыльной дороге. Алия сидела, прижавшись к дверце, сжавшись в комок. Ее трясло так сильно, что зубы стучали. Глаза были сухими шок не давал плакать.

Демир молчал. Смотрел на дорогу. Скорость сто двадцать.

— Куда мы едем? — прошептала Алия.

— Молчи.

Демир резко свернул на проселочную дорогу, потом на другую, третью. Петлял, путал следы. Наконец остановился в пустынном месте ни души, только поля вокруг и небо.

Он заглушил двигатель. Повернулся к Алие.

Она смотрела на него с ужасом и надеждой одновременно.

— Зачем ты спас меня? — спросила она. — Ты же рабо-

таешь на Руслана. Ты его правая рука.

Алия закрыла лицо руками.

— Я не верю, — прошептала она. — Как такое возможно. Он мой дядя. Моя семья.

— Нет у тебя здесь семьи, Алия. — Голос Демира был жестким, но не злым. — Есть бизнес. Есть кровь. Есть деньги. Ты помеха.

Алия подняла голову. Глаза ее были полны слез.

Алия смотрела на него долго, вглядываясь в его лицо красивое и страшное, со шрамом от брови к виску. Впервые она видела его не как тень, не как безмолвного охранника, а как человека.

— Что теперь будет? — спросила она.

Демир помолчал. Потом завел двигатель.

— Молчи.

Они ехали еще около часа. По полям, по проселкам, мимо кишлаков и старых кладбищ. Наконец машина остановилась у маленького дома на окраине, сложенного из белого камня, с зеленой крышей и резными ставнями. Внутри было чисто, скромно, но уютно.

Они прошли в комнату. Демир закрыл дверь, сел на стул, положил пистолет на стол.

Алия стояла посреди комнаты, обхватив себя руками.

— Демир, — сказала она. — Что ты собираешься со мной делать?

Он поднял на нее глаза. В них была та же пустота, но те-

перь Алия видела за ней что-то еще. Боль. Усталость. И может быть что-то похожее на отчаяние.

— У тебя два пути, — сказал он.

— Какие?

— Первый. — Он говорил медленно, чеканя каждое слово. — Ты выходишь за меня замуж. Становишься моей женой. Тогда ты под моей защитой. Руслан не тронет жену своего племянника. Твоя доля останется при тебе, но управлять ею буду я.

Алия смотрела на него, не веря своим ушам.

— Выйти за тебя? — переспросила она. — За человека, который даже не разговаривает со мной? Который смотрит сквозь меня? Который...

— Я сказал, что буду защищать, — перебил он. — Не любить.

— А второй путь?

Демир посмотрел ей прямо в глаза. В его взгляде не было угрозы только холодная, страшная правда.

— Я убью тебя сам.

Воздух в комнате стал тяжелым, как свинец.

Алия отшатнулась.

— Ты... что?

— Руслан не остановится, — Демир говорил спокойно, будто обсуждал погоду. — Он пошлет других. Азима, или кого-то еще. Тебя убьют в Питере. Или по дороге. Или здесь. Я не смогу защищать тебя везде и всегда. Но я могу сделать это

сам. Быстро. Без боли. В завещании твоего деда есть пункт: если с тобой что-то случается, твоя доля переходит к главному мужчине рода. Им считается Руслан.

— Ты сошел с ума! — Алия вскрикнула. — Ты псих! Ты...

— Я тебя не трону, — Демир не двинулся с места. — Если ты примешь первое предложение.

— Я люблю другого! — закричала она. — У меня есть Максим! Мы собираемся пожениться, у нас планы! Я не могу выйти за тебя!

Демир молчал. В его глазах мелькнуло что-то, может быть, тень той же боли, которую он носил в себе много лет.

— Тогда ты умрешь, — сказал он.

Глава 5.

В доме Демира было тихо и холодно, хотя за окнами стояла невыносимая ферганская жара. Алия сидела на краю дивана, обхватив плечи руками, и смотрела в одну точку на потрескавшуюся стену.

Она не спала всю ночь. Глаза слипались, но стоило закрыть их перед внутренним взором вставало чёрное дуло пистолета. Азим. Холодные глаза. Палец на спусковом крючке. И тишина.

А потом рёв мотора. Демир, вылетевший из пыли. Его крик: «Не смей!»

Демир вошёл в комнату без стука. В руке пиала с чаем. Поставил на стол, сам сел напротив, на табурет. Молчал. Ждал.

Алия подняла на него глаза. Красные, опухшие. Она не плакала слёз не осталось. Только сухая, колючая пустота.

— Согласна, — сказала Алия.

Слово вышло сухим, как прошлогодняя трава. Она сидела на краю старого дивана в доме Демира, сжав пальцы в замок так, что костяшки побелели. За окном кричали ишаки, где-то далеко хлопнула дверь чья-то жизнь шла своим чередом, не спрашивая её разрешения.

Демир стоял у окна, спиной к ней, и смотрел на двор. Чёрная футболка, чёрные джинсы, руки в карманах. Он не обернулся, когда она сказала. Только плечи чуть напряглись — и снова обмякли.

— Хорошо, — сказал он.

Ни «спасибо», ни «я буду беречь». Просто «хорошо». Как будто она подтвердила, что завтра будет дождь.

Алия смотрела на его спину и чувствовала, как внутри всё сжимается в тугой, холодный ком. Она не хотела этого. Ни одной клеткой. Но выбора не было. Демир объяснил всё коротко, без лишних слов: без него умрёшь. С ним будешь жить. Не любить, не радоваться, а просто дышать. Дышать уже много.

Она не спросила про Максима. Не могла. Имя застряло в горле колючей проволокой. Она знала, что если произнесёт его вслух, то рассыплется на куски, и никто не соберёт. Поэтому молчала. Только сжимала пальцы и смотрела на пыль-

ный луч света, который падал из окна на глиняный пол.

— Сегодня свадьба, — сказал Демир, не оборачиваясь. —
Через два часа.

— Так быстро?

— Некогда ждать.

Он вышел, не объясняя. Хлопнула дверь. Алия осталась одна в чужом доме, с чужим кольцом на пальце старым, бирюзовым, которое подарил ей старик Ахмад и с чувством, что земля уходит из-под ног.

Она обвела взглядом комнату. Дом Демира был с плоской крышей и резными деревянными ставнями. Несколько комнат, большой дворик с тутовниками, виноградниками и колодцем. Стены выбелены, на полу нет ковров, на окнах черные занавески. Жилище мужчины, который не ждал гостей. И тем более жену.

«Где ты, Максим? — подумала Алия. — Сейчас ты, наверное, на работе. Чертишь чертежи. Потом зайдёшь в магазин, купишь продукты. Позвонишь мне, а я не отвечу. А потом... потом ты узнаешь, что я вышла за другого. Или не узнаешь никогда».

Она зажмурилась, отгоняя видения.

Нельзя. Не сейчас.

Через час привезли платье.

Незнакомый мужчина внес огромный шёлковый свёрток, кряхтя от натуги.

— О-о, это тебе, хонум, — сказал он, сгружая его на кро-

вать. — Такое платье даже невесты ферганские завидуют. Из лучшего салона Маргилана привез, лучшая швея шила.

Алия развернула свёрток. Платье было белым, но не европейским, не тем, которое она когда-то в детстве примеряла в примерочной. Узбекское. Из хан-атласа, переливающегося перламутром. Длинное, тяжёлое, расшитое золотыми нитями по подолу, вороту и широким рукавам. К платью прилагалась лёгкая накидка на голову — дуппи — из белого газа, расшитая золотой нитью.

Она провела пальцами по вышивке. Шёлк был прохладным, живым, как будто хранил тепло рук мастерицы.

Она сняла свою одежду джинсы, бежевый свитер, в котором прилетела из Питера. Осталась в тонкой рубашке. Надела платье сама, застегнула крючки, завязала тесёмки. Платье легло идеально, как будто шили на неё. Только на груди, где она рвала ткань в порыве отчаяния тогда, когда ворвался Демир, остался надрыв, который невозможно было скрыть.

Она подошла к зеркалу в деревянной раме, прислонённый к стене.

Из зеркала смотрела чужая женщина. Белое лицо, распущенные русые волосы, тёмные круги под глазами. Платье сияло золотом, но сама она была как тень. Как привидение, которое случайно забрело в мир живых.

«Алия Умарова», — подумала она. — Так тебя теперь зовут. Не Вавилова. Не та, кем ты была. Чужая. В чужой стране. С чужим мужем».

Она подняла руку, коснулась щеки. Слез не было. Только сухая, колючая пустота.

И вдруг как удар под дых перед глазами встал Питер.

Сентябрьский дождь. Листья на мокром асфальте. Запах кофе из маленькой кофейни на Василеостровской. Максим в сером свитере, с лёгкой щетиной, целует её в щёку перед работой.

«Я вернусь к шести. Закажу пиццу».

«Ага, только без ананасов».

Она смеётся. Он смеётся. За окном трамвайный звон, где-то играет радио, кошка Люся трётся о ноги.

Как это было недавно. Как это было навсегда.

А теперь — нет.

Алия смотрела на себя в зеркале и не узнавала. Золото, шёлк, вышивка — всё это было не её. Она была самозванкой, которая надела чужую кожу и теперь не знала, как снять.

«Мама, — подумала она вдруг. — Ты знала. Ты знала про отца. Про деда. Про Руслана. Почему не остановила меня? Почему не сказала: «Не лети, дочка»?»

Вспомнила мамин голос в трубку холодный и сухой. Ни «береги себя», ни «я люблю тебя». Как будто она уже прощалась. Как будто знала, что Алия не вернётся.

Чувство предательства было таким острым, что перехватило дыхание. Отправили её в этот чужой, жаркий, пыльный мир, как ягнёнка на заклание.

А теперь она стояла перед зеркалом в свадебном платье,

которое было ей велико не по размеру, по судьбе.

Внезапно что-то оборвалось внутри.

Она схватила платье на груди и рванула. Шёлк затрещал, блёстки посыпались на пол. Ещё раз теперь по шву на плече. Ещё по подолу. Она рвала ткань, не жалея пальцев, ногтей, боли. Ей хотелось содрать с себя это проклятое платье, эту чужую жизнь, этот приговор.

— Нет, — шептала она, задыхаясь. — Нет, я не могу. Не хочу. Пустите меня...

Платье трещало по швам, золотые нити рвались, как паутина. Алия уже не видела себя в зеркале только красное марево перед глазами, только дикий, животный страх, что всё это по-настоящему.

Дверь распахнулась с грохотом.

Демир ворвался в комнату, как чёрный смерч. Схватил её за запястье железной хваткой, не больно, но так, что нельзя было вырваться. Дёрнул на себя.

— Хватит! — Голос его был как плеть.

Она замерла. Сердце колотилось где-то в горле. Платье висело клочьями, грудь открыта, лицо мокрое от слёз, которых она не замечала.

— Пусти, — выдохнула она. — Пусти меня...

— Нет, — он не ослабил хватки. — Ты выйдешь из этой комнаты. В свадебном платье. Или в саване. Выбери.

Алия смотрела на него. В его глазах не было злости только холод, который она уже знала. Холод человека, который

привык приказывать. Которому не задают вопросов.

— Зачем тебе это? — прошептала она. — Я тебя не люблю. Я буду ненавидеть тебя каждый день, каждую минуту...

— Не надо меня любить, — перебил он.

— А если я сбегу? При первой возможности? Уйду, уеду, убегу, и ты меня не найдёшь?

Он усмехнулся — одними уголками губ, без улыбки.

— Не найдёшь, — поправила она. — Я сказала — не найдёшь.

— Найду. — Он отпустил её руку. — Всюду найду.

Алия обхватила себя руками. Платье висело лохмотьями, открывая плечи, ключицы, край рубашки.

— Демир, — сказала она тихо, почти шёпотом. — Отмени свадьбу. Отпусти меня домой. Я откажусь от наследства при нотариусе, при свидетелях. Пусть Руслан забирает свои проценты. Мне ничего не надо. Ни денег, ни фамилии, ни земли. Только жизнь.

Она смотрела на него в упор, ловя каждое движение его лица. Демир стоял неподвижно, только скулы заиграли желваками.

— Нет, — сказал он.

— Можешь. Ты всё можешь. Ты же его правая рука.

Алия закрыла глаза. Слезы катились по щекам, но она уже не вытирала.

— Я ненавижу тебя, животное — прошептала она.

— Знаю, — Демир убрал руку. — Приводи себя в поря-

док. Через час церемония.

Он вышел, не оглядываясь.

Алия осталась одна. Стояла посреди комнаты в рваном платье, с разбитыми пальцами, с пустотой в груди.

Потом села на край кровати, взяла расчёску и начала расчёсывать волосы. Медленно, ровно, как заведённая. Платье в клочья. Но другого не было. Значит, выйдет так.

Через час во дворе Демира собрались гости. Немного и Алия их не знала.

Старый мулла из соседнего кишлака Абдурахим-домла приехал, привёз с собой Коран и чистую белую ткань. Он был седой, с живыми умными глазами, и когда увидел Алию в рваном, но величественном платье, с распущенными волосами и белым лицом только покачал головой, но ничего не сказал.

Свидетелями были двое.

Первый Тилсиз. Высокий, широкоплечий, с короткой стрижкой и вечно настороженным взглядом. Он почти не улыбался и не говорил только кивал и смотрел. Демир представил их коротко: «Тилсиз». Он чуть склонил голову в сторону Алии молча, без единого слова. Потом отошёл к стене и застыл, как изваяние. Тилсим безмолвный таким он был всегда.

Второй — Карим. Сын Наргиз, тётки Руслана. Он приехал из Душанбе, где был в командировке по текстильным делам. Карим был совсем другим весёлым, открытым, с лёг-

кой небрежностью в каждом движении. Высокий, загорелый, с короткой стрижкой и ясными карими глазами. На шее толстая золотая цепочка, на запястье кожаный браслет. Он улыбнулся Алие широко, по-мальчишески, и сказал с лёгким таджикским акцентом:

— Салам алейкум, хонум. Карим. Мы с Демиром как братья. Если что надо — говори.

— Спасибо, — выдавила Алия.

Карим посмотрел на её рваное платье, на красные глаза, но ничего не спросил. Только вздохнул и отошёл к Тилсизу.

Мулла начал церемонию.

Никах. Короткие суры на арабском, которых Алия не понимала. Тихий голос старика, шёпот ветра в ветвях тутовника, где-то за стеной крик ишака. Демир стоял рядом, прямой, как клинок. Ни разу не посмотрел на неё.

— Ты, Алия, дочь Еркина, даёшь ли добровольное согласие стать женой Демира, сына Султана, перед Аллахом и свидетелями? — спросил мулла, глядя ей в глаза.

Алия смотрела на него. Вспомнила Питер. Дождь. Максима.

— Да, — сказала она. — Согласна.

Голос не дрогнул.

Демир надел ей на палец золотое кольцо с рубином.

Потом были поздравления. Карим хлопнул Демира по плечу, что-то шепнул на узбекском, тот кивнул. Тилсиз молча пожал руку сильно, по-мужски.

Мулла уехал. Гости кто остался, кто ушёл.

Алия сидела на подушке во дворе и смотрела на небо. Оно было низким, жёлтым, как будто кто-то разлил по нему топлёное масло. Жара спадала, но духота оставалась.

«Через несколько недель после той счастливой жизни, — подумала она. — Максим, кофе, утро, дождь. И вот я здесь. Чья-то жена. Чужой человек в чужой стране».

Она перебирала в памяти последние дни. Прилёт, дом Руслана, подписанные документы, праздник, поля, Демир.

Руслан. Руслан, который улыбался, называл её «дочка», кормил пловом. И Руслан, который сказал Азиму: «Убей». Азим, наставивший на неё пистолет. Демир, вылетевший из пыли.

«Почему вы все молчали? — думала она, глядя на уходящее солнце. — Мама, ты знала, что отец убит. Почему не сказали? Почему пустили меня сюда одну?».

Ответа не было. И никогда не будет.

— Пора, — сказал Демир, подходя к ней.

Он не спрашивал, готова ли. Не предлагал руку. Просто сказал, и Алия встала.

Она вышла из дома в рваном свадебном платье, с красными глазами, с сердцем, которое билось где-то в горле.

Машина ждала у ворот. Демир даже не открыл ей переднюю дверцу, он обошёл машину, сел за руль, завёл двигатель. — Поехали, — сказал он.

Она не ответила, только молча сила в машину.

В доме Руслана был ужин.

Большая гостиная была полна народу длинный стол, ска-терть с золотой бахромой, пиалы с пловом, самса, лепёшки, зелень. На отдельном блюде дыни, виноград, гранаты. В углу самовар с чаем, рядом кувшин с кумысом.

Во главе стола сидел Руслан. Довольный, румяный, в белой рубашке с расстёгнутым воротом. Рядом Замира, его жена, с доброй улыбкой. За ними Лола, Наргиза, Фируза, другие женщины.

Саида дочь Руслана сидела недалеко от отца, поправляла длинные чёрные волосы и поглядывала на дверь. Она ждала Демира. Он обещал приехать сегодня, помочь отцу с бумагами. Демир всегда помогал. Демир был надёжный. И Саида любила его тихо, безнадёжно, как любят в семнадцать с замиранием сердца, с глупыми мечтами о свадьбе.

Руслан поднял стакан хотел провозгласить тост за удачный сезон, за хорошие новости из Ташкента, за здоровье всех собравшихся.

И в этот момент в гостиной была тишина, по лестницы спускался Демир в чёрной рубашке, чёрных джинсах. Никто никогда не видел его в другом цвете одежды.

А позади него — белая фигура.

Алия.

В рваном свадебном платье, с распущенными волосами, с лицом белым как хлопок. Она стояла на ступенях, чуть выше Демира, и смотрела прямо перед собой пустыми глазами.

Все замерли.

Ложки застыли в воздухе. Кто-то поперхнулся чаем.

Руслан медленно поставил стакан на стол. Его лицо всегда румяное, всегда добродушное стало серым. Как пепел. Глаза сузились, губы побелели.

— Что это? — спросил он. Голос сел, стал чужим.

Демир шагнул вперёд. Встал так, чтобы закрыть собой Алию? Или чтобы показать её всем? Никто не понял.

— Мы поженились, дядя, — сказал он ровно, без улыбки. — Сегодня был никак.

Тишина стала такой плотной, что, казалось, можно было резать ножом.

Замира смотрела на мужа, не дыша. Лола прижала ладонь ко рту.

Саида вскочила. Её лицо красивое, юное, с большими карими глазами стало бледнее мела. Она смотрела на Демира. Только на него. Ждала, что он скажет: «Это шутка», «Она просто гостья», «Я не всерьёз».

Но Демир молчал.

Алия стояла как статуя. Белая, недвижимая. Платье висело ключьями, открывая плечо, ключицу. Она не стыдилась, не пряталась. Ей было всё равно.

Руслан поднялся. Медленно, тяжело, как старый лев, который почуял кровь.

— Демир, — сказал он. Голос его был тихим, страшным. — Что ты сделал?

— То, что должен был, — ответил Демир. — Я женился на Алии. Она теперь моя жена. И живёт в этом доме как моя жена.

— Без моего согласия?

— С её согласия. Она сказала «да» при мулле.

— Ты... — Руслан сделал шаг вперёд. Его руки дрожали.

— Ты понимаешь, что это значит? Ты моя правая рука. Мой племянник...

— Я и остаюсь им, — Демир не опустил глаз. — Только теперь я ещё и муж Алии.

Саида сделала шаг к выходу. Она смотрела на отца, на Демира, на эту чужую женщину в рваном платье и не верила. Не могла поверить.

— Папа, — прошептала она. — Папа, это правда?

Руслан не ответил.

Саида перевела взгляд на Демира.

— Ты же... — начала она и не закончила. Губы задрожали. Она закусила их, чтобы не закричать, но слёзы уже потекли по щекам.

Она развернулась и выбежала из комнаты. Хлопнула дверь. Слышно было, как её шаги застучали вверх по лестнице, потом глухой звук захлопнувшейся двери её спальни.

Никто не двинулся с места. Только Замира тихо сказала:

— Ой, бедная девочка...

Руслан смотрел на Демира. Долго. Тяжело.

— Ты ответишь за это, — сказал он наконец. — Не сего-

дня. Не завтра. Но ты ответишь.

— Я всегда отвечаю за свои поступки, дядя.

Демир взял Алию за руку первый раз за весь вечер. Она не отдернула. Пальцы её были ледяными, как у покойницы.

— Пойдём, — сказал он.

Они вышли из гостиной. Медленно поднялись по лестнице на мансардный этаж в комнату Демира. Комната была открыта, окна распахнуты в сад. Пахло розами и сухой землёй.

Демир отпустил её руку.

— Отдыхай, — сказал он.

Он вышел, закрыв за собой дверь.

Алия осталась одна. В свадебном платье, в рваном, на чужой кровати, в чужой комнате, в чужой жизни.

Она легла, не раздеваясь. Смотрела в потолок, где плясали тени от веток тутовника. В ушах звенела тишина та, что бывает после катастрофы, когда все звуки умерли и не родились новые.

«Я замужем, — подумала она. — Не за Максимом. За человеком в чёрном, с пустыми и жестокими глазами».

Она закрыла глаза.

Перед внутренним взором встал Питер. Дождь. Трамвайный звон. Максим в сером свитере, улыбающийся, говорит: «Я люблю тебя».

«Прости меня, — прошептала Алия в пустоту. — Я не хотела».

Слёз не было. Только холод.

Внизу, в гостиной, Руслан сидел один. Все разошлись кто испуганно, кто непонимающе. Он поднял пиалу с кумысом, посмотрел на свет. Золотистая жидкость дрожала в руке.

— Демир, — сказал он тихо, как молитву. — Демир, зачем?

Никто не ответил.

Он взял телефон, набрал номер.

— Азим, — сказал Руслан. — Завтра утром приезжай. Есть работа.

Над Маргиланом вставала ночь.

Чёрная, душная, полная запаха хлопка и тяжёлых тайн.

Кто-то не спал. Кто-то плакал в подушку. Кто-то молился.

Алия лежала в свадебном платье на чужой кровати, рядом с человеком, который стал её мужем, и думала только об одном как отсюда выбраться.

Утро после свадьбы было серым. Небо над Маргиланом затянуло пыльной дымкой, солнце пробивалось сквозь неё бледным, больным пятном. Алия проснулась, но Демира уже не было в комнате. Его подушка хранила вмятину головы, пистолет исчез с тумбочки. Алия села на кровати, обхватила колени руками. В голове было пусто. Не та пустота, когда думаешь о чём-то одном, а та, когда мыслей нет вообще только тишина и лёгкое головокружение.

Она встала, умылась ледяной водой из кувшина, надела простое хлопковое синее платье, с длинными рукавами, которое нашла в шкафу. Наверное, его приготовила Замира.

Или Наргиза. Кто-то из женщин, которые теперь стали ей «родными».

Внизу, в гостиной, уже собрались к завтраку.

Руслан сидел во главе стола в белой рубашке, лицо спокойное, как горное озеро перед бурей. Рядом Замира с вечной полуулыбкой, которая ничего не выражала. Наргиза, сестра Руслана, полная, громкая, но с глазами, которые видели больше, чем говорили. Лола, дочь Наргизы живая, весёлая, единственная, кто не боялся задавать вопросы. Саида — дочь Руслана — сидела с опущенными глазами и ковыряла лепёшку пальцами, не поднимая взгляда.

Нодира, мать Демира, и её дочери, Мухайё и Гульнара. Они ели молча, не вмешиваясь в разговоры.

Алия спустилась по лестнице, и все головы повернулись к ней.

— О, невестка проснулась! — громко сказал Руслан, поднимаясь. — Доброе утро, дочка. Как спалось?

Алия подошла к столу, села на свободное место рядом с Лолой, напротив Саиды.

— Хорошо, — ответила она тихо.

— Хорошо — это хорошо, — усмехнулся Руслан. — А где Демир? Почему жену одну оставил?

— Мне откуда знать, — сказала Алия.

Руслан поджал губы, но промолчал. Кивнул Замире, та налила Алии чай.

Завтрак проходил в тишине. Только звон ложек и шёпот

женщин. Саида не поднимала глаз. Лола украдкой поглядывала на Алию, но ничего не спрашивала. Наргиза отпивала чай маленькими глотками и смотрела поверх пиалы на Руслана.

— Сегодня, — сказал наконец Руслан, отодвигая пустую пиалу, — приедут гости из Ферганы. Надо приготовить дастархан. Замира, ты проследи.

— Прослежу, — спокойно ответила Замира.

— А ты, — Руслан повернулся к Алие, — будешь помогать женщинам. Ты теперь не гостья, а невестка в этом доме. Пора учиться нашему укладу.

Руслан встал и вышел. Только тогда женщины задышали свободнее.

— Алиа, — тихо позвала Лола. — Ты как?

— Нормально.

— Ты бледная. Ешь больше. — Лола пододвинула к ней блюдо с лепёшками. — У нас говорят: «Пустой живот — плохой советчик».

Алиа улыбнулась уголками губ.

Наргиза внимательно посмотрела на неё, покачала головой, но ничего не сказала. Встала, собрала пиалы и ушла на кухню.

Замира наклонилась к Алие:

— Не бойся, дочка. Время всё лечит. Даже то, что кажется не заживаемым.

Саида молча встала и вышла из-за стола. Лола хотела пой-

ти за ней, но Замира остановила её взглядом.

— Сердце не прикажешь, — добавила Наргиза. — Как погоду. Хочешь солнце — а дождь идёт. Хочешь дождь — а солнце печёт.

— Не ходи. Она должна сама пережить свою боль. Нельзя лезть в чужую рану, пока из неё не перестанет течь.

Лола вздохнула и осталась.

После завтрака женщины разошлись по своим делам. Замира ушла в кладовую перебирать крупу. Наргиза и Лола на кухню резать овощи для плова. Алия осталась в гостиной одна, села у окна и смотрела на двор, где дети Руслана внуки, племянники бегали, кричали, смеялись. Им не было дела до семейных интриг. Им было дело до мяча и до того, кто кого догонит.

На кухне, когда Замира и Наргиза чистили лук, а Лола месила тесто, разговор стал тише, но острее.

— Ты видела, как Саида на неё смотрит? — спросила Лола у матери.

— Видела, — ответила Наргиза. — Глаза горят. Как у кошки, которая видит мясо, но не может достать.

— Она его любит, — сказала Замира тихо. — С детства.

— Любить не вредно, — Наргиза отряхнула руки. — Вредно не понимать, что любовь не продаётся и не покупается. И замуж насильно не выходят.

— Она вышла добровольно, — заметила Лола, кивнув на Алию.

— Добровольно? — Наргиза усмехнулась. — Когда человеку дают два пути один в могилу, другой под венец, это называется выбором? Выбор, когда оба пути ведут туда, куда ты хочешь.

Замира вздохнула.

— Не наша это забота. Мужчины решили нам подчиняться.

— Подчиняться, да, — кивнула Наргиза. — Но глаза иметь и видеть тоже надо. Чтобы в беду не попасть.

Она посмотрела на Алию. Алия молчала.

— Ты, дочка, — сказала Наргиза, — смотри в оба. И запоминай, кто что говорит. Слова иногда ценнее золота. А иногда дешевле пыли.

— Я запомню, — ответила Алия.

— Запомнишь — хорошо. А поймёшь — ещё лучше.

Через час вернулся Демир. Он вошёл бесшумно, как всегда, и Алия вздрогнула, когда его тень упала на пол рядом с ней.

— Пошли, — сказал он.

— Куда?

— Куда надо.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

Он не ждал, пока она соберётся. Просто повернулся и пошёл к выходу. Алия встала, надела куртку, кроссовки. Спустилась. Джип стоял у ворот, двигатель работал. Она села

рядом. Демир тронулся.

Поля за городом были белыми. Бескрайнее море хлопка, которое колыхалось на ветру, как вода. Работницы в ярких платьях и белых платках двигались между рядами, срывая коробочки быстрыми, привычными движениями. Алия вышла из джипа и замерла.

Они ехали молча. За городом, мимо хлопковых полей, потом по просёлку, потом по дороге, где не было ни машин, ни домов. Только темнота и пыль.

— Куда мы едем? — спросила Алия. Но Демир молчал.

Через час они свернули к маленькому кишлаку. Остановились у одноэтажного дома с террасой и приусадебным участком. Демир постучал. Вышел старик высокий, сутулый, с белой бородой.

— Демир?

— Да.

— Проходи сынок. Жена?

— Да.

Старик посмотрел на Алию, кивнул.

В доме было бедно. Пахло сушёными травами. Старик подал чай, лепёшку, мёд. Демир пил молча. Алия тоже.

— Садитесь, садитесь, — Тохтар-ака суетился у печи, доставая глиняные миски. — Я сейчас, я быстро. У меня есть курица, вчера сосед принёс, сказал: «Старик, ты один, ешь». А я один, но сегодня вас двое. Вот Аллах и послал.

Он поставил на низкий стол деревянную доску с лепёш-

ками, пиалы с мёдом и куртот (сушёными солёными шариками из овечьего молока).

— Ты помнишь, Демирджан, как ты в детстве курт любил? Прибежишь ко мне, весь в пыли, руки в царапинах, и кричишь: «Тохтар-ака, давай курт, я голодный». А я тебе даю, а ты за обе щеки.

— Не помню, — глухо сказал Демир.

— Врёшь, — старик улыбнулся беззубой улыбкой. — Ты всё помнишь. Ты даже мою старую козу помнишь, которая тебя бодала. Ты её боялся, а мне не признавался.

Алия посмотрела на Демира. Его лицо оставалось каменным, но уголки губ чуть дрогнули.

— Она бодалась больно, — сказал он.

— О! — Тохтар-ака хлопнул в ладоши. — Заговорил! А то сидит, как гора, молчит. Хорошо, когда человек молчит, — плохо, когда ему нечего сказать.

Старик поставил на стол горячую курицу тушёную с луком и морковью, в глиняном горшочке. Пар поднимался к потолку, пахло чесноком и зирой.

— Ешьте, ешьте. Демирджан, ты худой. Жена плохо кормит?

— Я хорошо кормлю, — тихо сказала Алия.

— Тогда он сам мало ест. А надо есть. Сила мужская в еде. И в сне. И в покое. А у тебя, сынок, покоя нет.

Демир молча положил себе кусок лепёшки. Алия взяла курицу, откусила мясо, таяло во рту.

— Тохтар-ака, — спросила она. — А каким Демир был в детстве?

— О-о, — старик откинулся на подушки. — Славный был мальчик. Добрый. Соседский мальчишка котёнка принёс — утопить хотели, а Демир забрал. Принёс ко мне: «Тохтар-ака, спрячьте, папа узнает будет ругаться». Я спрятал. Котёнок вырос, кошкой стал, мышей ловила.

— И что с ней случилось? — спросила Алия.

— Умерла. Старая была. Демир тогда уже большой стал, не плакал. Но я видел жалко ему было. Он всех жалко. Только не показывает.

Демир встал.

— Тохтар-ака, дрова во дворе. Я поколю.

— Сынок, не надо, я сам...

— Сиди. Я быстро.

Он вышел. Старик посмотрел ему вслед, покачал головой.

— Всё такой же. Руками работает, когда сердцу тяжело.

Он налил Алии ещё чаю.

— Ты, дочка, не смотри, что он суровый. Золотое у него сердце. Просто в золото камни росли. Не достать их без крови.

— С ним что-то случилось? — спросила Алия.

Тохтар-ака помолчал.

— Когда человеку десять лет, и он сидит два дня в пещере рядом с убитым отцом он либо ломается, либо становится камнем. Демир стал камнем. Но внутри золото. Я знаю.

— Он не рассказывал.

— И не расскажет. Не умеет. И не научится. — Старик посмотрел на дверь, за которой слышались удары топора. — Ты ему дай время. Не дави. Не спрашивай. Просто будь рядом. Когда камень трескается, из него свет идёт.

— А если не треснет?

— Значит, ты недостаточно близко стояла.

Он улыбнулся и пододвинул ей мёд.

— Ешь, дочка. Мёд сладкий, как жизнь должна быть. А какой она есть другой разговор.

Алия вышла во двор. Демир колот дрова ровно, сильно, одним ударом. Не раздеваясь. Не снимая чёрной куртки.

Он не заметил её. Или сделал вид.

А она смотрела на его руки сильные, уверенные. На его лицо сосредоточенное, почти спокойное. И вдруг он поднял голову, увидел старика в дверях, и... улыбнулся.

Не так, как улыбаются гостям. А так, как улыбаются отцу. Или деду. Тепло, беззащитно, по-детски.

— Тохтар-ака, у тебя топор тупой, как моя память. Завтра наточу.

— Завтра так завтра, — старик засмеялся. — А сегодня давай чай допивать.

Демир воткнул топор в колоду и пошёл в дом. Проходя мимо Алии, не обернулся. Но она заметила, что плечи его стали чуть свободнее не сжаты, как обычно.

Она вошла следом.

Старик разливал чай. Демир сел на своё место — у стены, откуда видна дверь.

— Хороший у тебя дом, Тохтар-ака, — сказала Алия. — Тепло.

— Дом — это не стены, дочка. Дом — это люди. — Он кивнул на Демира. — Вот он мой дом. Потому что я знаю: пока он жив, я не один.

Демир опустил глаза.

— Перестань, Тохтар-ака.

— Не перестану. Правду говорю. Ты для меня как сын. А теперь у тебя есть жена. И я за вас спокоен.

— Не надо за нас спокойным быть, — сказал Демир. — Всё только начинается.

— Начинается — значит, будет и конец. А конец — это тоже начало. Аллах не даёт испытаний больше, чем человек может вынести.

Старик покачал головой, но ничего не сказал. Ушёл в другую комнату.

Алия и Демир легли на полу. Он у двери, пистолет под рукой. Она в углу, на диване.

— Демир.

— Спи.

— Я не боюсь.

— Спи.

Она замолчала. Он выключил лампу.

Утром Демир резко проснулся и увидел, как дом окружа-

ют люди в черном. Демир вскочил. Пистолет уже в руке. Подошёл к окну, отодвинул край занавески.

— Шарипова люди, — сказал он. — Десять. Может, больше.

— Что делать? — спросил старик.

— Сиди здесь. Не выходи.

Демир, разбудил Алию и схватил её за руку.

— Мы уходим, — тихо прошептал Демир.

— Куда? Что случилось? — прошептала сонная Алия.

— За мной. Вставай.

— А если...

— Бежать. Вопросов не задавать.

Он вывел её через заднюю дверь. За домом было поле. Старое, заброшенное. Хлопковые кусты по пояс.

— Беги.

— А ты?

— За тобой.

Они побежали. Демир пригнувшись, держа пистолет перед собой. Алия сзади, не отставая, спотыкаясь о комья земли. Крики сзади. Выстрелы в воздух.

Над ними было какое-то жужжание.

— Квадрокоптер, — прохрипел Демир.

Пытался выстрелить, но не достал. Выстрел сзади. Громко. Резко. Демир споткнулся. Упал.

Алия остановилась. Обернулась.

Он лежал лицом вниз. Не двигался.

— Демир!

Кровь на спине, на куртке. Пятно растёт.

Квадрокоптер снизился. Снимал.

Люди Шарипова вышли из кустов. Пятеро. Автоматы.

Маски.

— Живая, — сказал один. — Господин Азиз сказал привезти живую.

— А этого добить.

Алия побежала. Не от них. К Демиру.

— Стой! — закричали сзади.

Она упала на колени рядом с ним. Схватила за руку. Холодная.

— Демир! Демир! Демир!

Веки дрогнули. Губы шевельнулись.

— Беги, — без звука.

— Нет.

— Беги, — шепнул он.

Она не встала.

Над ними образовалась тень.

— Вставай, хонум. Поедешь с нами.

— Он мёртв.

— Он жив! Я слышу сердце!

Квадрокоптер завис прямо над ними. Красный глаз смотрел.

Бандит наставил автомат на Алию.

— Последний раз говорю вставай.

Она сжала пальцы Демира.

— Я не оставлю его.

— Упрямая, — сказал второй. — Как баран.

— Баран умный, — заметил первый. — Он знает, когда идти на мясо, а когда на пастбище. А эта нет.

— Она не баран. Она волчица, — второй усмехнулся под маской. — Волчиц не заставляют. Их убивают.

— Приказ Азиза привезти ее живую.

Первый бандит поднял руку, приказывая ждать. Достал телефон. Позвонил.

— Азиз? У нас ситуация. Она не идёт. Вокруг раненого сидит. Что делать?

Слушал. Кивнул. Убрал телефон.

— Забираем девку и уходим.

Алию оторвали от Демира. Она не кричала. Не плакала. Смотрела на квадрокоптер, который завис над полем, потом взмыл вверх и улетел в сторону города.

На поле осталась только кровь, Демир и хлопок.

Глава 6.

Середина октября. Маргилан. Дом Руслана Умарова.

Ветер с хлопковых полей нёс запах гари. Где-то за городом жгли стебли очищали землю перед зимой. Дым стлался по земле серым саваном, забирался в щели домов, оседал на подоконниках тонкой пепельной пылью. Старики в Маргилане говорили: «Когда горит хлопок, земля плачет. А когда земля плачет жди беды».

В доме Руслана беда уже пришла. Она поселилась в каждой комнате, в каждом углу, в каждом вздохе. Третью неделю здесь царил та особенная тишина, которая бывает только в доме, где ждут смерти. Женщины ходили на цыпочках. Дети не шумели.

Руслан не выходил из кабинета. Он пил холодный зелёный чай, перебирал бумаги, но не видел ни одной цифры. Перед глазами стоял Демир его молчаливая тень, его правая рука, его племянник, которого он вытащил из пещеры двадцать пять лет назад. Мальчик с пустыми глазами, который обещал: «Я буду сильным, дядя». И стал сильным. Слишком сильным. Слишком верным.

Телефон на столе завибрировал резко, настойчиво, как удар ножа.

Руслан вздрогнул всем телом, как от удара током. На экране высветилось имя, которое он ненавидел больше всего на свете: Азиз Шарипов.

Руслан смотрел на него несколько секунд. Экран горел холодным белым светом, буквы прыгали перед глазами. Он не брал трубку просто смотрел. А потом, глубоко вздохнув, нажал «ответ».

Ни слова не сказал. Замер.

В трубке послышалось лёгкое потрескивание помехи, или дыхание, или усмешка.

Потом заговорил Шарипов. Голос его был сладким, приторно-сладким, как переспелая дыня, которую надкусили, а

внутри уже черви. Сладость была фальшивой, нарочитой, и под ней чувствовался яд.

— Салам алейкум, Руслан-ака. Как дела? Как здоровье? Как урожай? Хлопок нынче белый, говорят, пушистый. А кровь на нём ещё краснее.

Руслан молчал. Язык прилип к нёбу. Пальцы сжали телефон так, что побелели костяшки.

— Не хочешь говорить? — Шарипов хмыкнул. — Ну и ладно. Я по делу. — Он сделал паузу. — Звоню сказать тебе, Демира твоего больше нет.

Слова упали в тишину, как камни в сухой колодец. Руслан перестал дышать. Сердце огромное, тяжёлое упало куда-то вниз, в живот, в пятки. Мир поплыл.

— Слышишь, Руслан? — продолжал Шарипов, и в голосе его теперь явственно слышалась улыбка масляная, жирная, как курдючный жир. — Его убили мои люди, хочешь тебе кино пришлю? Приедешь и найдёшь тело. Если шакалы не успели.

Руслан открыл рот, хотел что-то сказать, но голос пропал. Трубка выпала из рук, ударилась о стол, покатилась по бумагам.

Шарипов всё ещё что-то говорил оттуда, издалека что-то про документы, про проценты, про то, что Руслан ещё пожалеет. Но Руслан уже не слышал.

Он застыл как статуя.

Глаза остекленели. Лицо окаменело. Руки опустились

вдоль тела безвольные, тяжёлые, как плети. Кабинет поплыл стены, потолок, портрет отца всё смешалось в одно серое пятно. Только свеча горела ровно, не мигая.

В голове гудело: «Демира больше нет».

Тишина в кабинете стала плотной как вата, как тот самый хлопок, в котором лежал.

Он не слышал, как открылась дверь. Не слышал шагов. Только когда тень упала на стол, очнулся.

Нодира стояла на пороге, вошла без стука как всегда в последнее время.

Она подошла к столу, остановилась напротив Руслана. Посмотрела на него и что-то в его лице, в застывшей позе, в пустых глазах заставило её сердце сжаться ещё сильнее.

— Руслан-ака, — спросила она тихо, почти шёпотом, боясь нарушить хрупкую тишину. — Что случилось?

Он не ответил. Смотрел сквозь неё, на стену, на портрет отца.

— Руслан-ака, я спрашиваю, что случилось? — голос Нодиры стал громче. В нём появились тревожные нотки, похожие на звон натянутой струны, которая вот-вот лопнет. — Я слышала, ты с кем-то говорил по телефону. Говорил, потом замолчал. Я шла по коридору и услышала голос. Что стряслось?

Он медленно, очень медленно поднял на неё глаза. Веки его были тяжёлыми, как свинцовые. Взгляд мутным, как во-

да в стоячем арыке. Но когда он посмотрел на Нодиру, в этом взгляде появилось что-то живое — боль. Такая глубокая, такая острая, что Нодира отшатнулась, как от удара.

— Нодира, — сказал он чужим, севшим голосом, будто горло ему пересыпали песком. — Демир, потеряли его.

Нодира нахмурилась. Наклонила голову чуть вбок, как делала всегда, когда не слышала или не понимала. Сдвинула брови.

— Как потерялся? — переспросила она, и в голосе её прозвучало искреннее недоумение. — Ты о чём, Руслан? Демир как мог потеряться? Ты что такое говоришь? Как такой взрослый мужчина может потеряться?

— Нет, — Руслан покачал головой — медленно, тяжело, как старый человек. — Демира... его убили...

Нодира смотрела на него. Лицо её медленно менялось от непонимания к ужасу, от ужаса к гневу. Глаза расширились, зрачки увеличились, стали чёрными, как колодцы. Губы побелели и задрожали.

— Ты что такое говоришь, Руслан? — прошипела она. Голос стал низким, страшным — таким, каким говорят перед смертельной схваткой.

— В хлопковых полях, — выдохнул он, и это слово — «полях» — повисло в воздухе, как приговор.

Нодира замерла. Секунду. Другую. Третью. Тишина стала плотной, как патока. Даже ветер за окном затих. Даже свеча перестала потрескивать.

Потом она заговорила и голос её рос с каждым словом, как волна перед штормом, как крик муэдзина в тишине рассвета.

— Как такое возможно? — сказала она, и в голосе зазвучала сталь. — Как такое возможно, Руслан? Взрослый мужчина не может потеряться в полях! Ты что такое говоришь? Ты заболел? Ты с ума сошёл?

Она шагнула к нему так резко, порывисто. Схватила за рубашку на груди обеими руками. Пальцы её, тонкие вцепились в ткань так, что затрещало по швам. Она затрясла его так сильно и отчаянно, как трясут куклу, надеясь, что из неё выпадет правда.

— Как потерялся?! — закричала она, и крик этот разнёсся по всему дому, пронзая стены. — Как можно потерять человека в хлопковых полях?! Ты скажи мне, Руслан! Ты скажи!

Он не отстранялся. Не отводил глаз. Не пытался успокоить. Смотрел на неё и в его глазах стояли слёзы. Руслан, который не плакал даже на похоронах отца, сейчас смотрел на Нодиру красными глазами.

— Нодира, — сказал он тихо, почти беззвучно, так, что она едва расслышала. — Демира убили.

Эти слова упали между ними, как нож. Нодира выпустила рубашку. Отступила на шаг. Другой. Третий. Покачнулась, ухватила за край стола. Лицо её стало белым белее её платка, белее мела. Даже губы побелели. Только глаза оставались чёрными и огромными, полными ужаса.

— Убили? — переспросила она шёпотом, одними губами.

И вдруг закричала так дико, надрывно, на весь дом, так, что стёкла в окнах задрожали.

— Не может быть! Ты врёшь! Такого не может быть! Не может быть! Не может быть!

Голос её разрывал тишину, как нож разрывает ткань. Она кричала и кричала, не останавливаясь, не переводя дыхания, как будто надеялась, что если будет кричать достаточно громко, то слова Руслана отменятся, время повернётся назад и Демир войдёт в дверь — чёрный, молчаливый, живой.

— Не может быть, не может быть, не может быть! — повторяла она, хватая ртом воздух. — Мой сын не мог умереть! Он сильный! Он молодой! Он всегда возвращался! Всегда! Ты врёшь, Руслан! Зачем ты это говоришь?! Зачем?!

Она билась в истерике рвала на себе платок, царапала лицо, колотила кулаками по столу, по бумагам.

Руслан схватил её за плечи, попытался удержать, но она вырывалась, как дикая кошка.

— Нодира, Нодира, тише, прошу тебя, тише...

— Тише?! — она колотила его в грудь — сильно, больно. — У меня сердце вырывают! Сын мой! Демир! Единственный сын! Как я теперь жить буду? Как? Зачем?

— Твои обещания ничего не стоят! — она вырвалась из его рук, отступила к стене, прижалась спиной к холодной побелке. — Ты обещал беречь Демира и не уберёг. Ты обещал Алию не трогать и приказал убить. Твои обещания как вода в решете, Руслан. Пустые. Гнилые.

Руслан стоял над ней, не зная, что делать. Протянул руку она отбросила её.

— Не прикасайся, — прошептала она. — Не смей.

Крик Нодиры разбудил весь дом.

Замира, жена Руслана, выбежала из кухни первой. Она выскочила в коридор, чуть не споткнувшись о порог.

— О Аллах, — прошептала она, прижимая ладонь ко рту. — Что ещё? Что случилось-то?

За ней, опираясь на трость, вышла Наргиза старшая сестра Руслана.

— Нодира? — позвала она, вглядываясь в полумрак коридора. — Что случилось, сестра?

Саида вышла из своей комнаты и замерла у стены, прижав ладонь ко рту. Её глаза были красными она не спала которую ночь, всё думала о Демире. О том, как он стоял в свадебном платье рядом с этой... питерской. О том, как смотрел на неё. О том, как ушёл и не вернулся. Она любила его с детства тихо, безнадёжно. И он не ответил. Никогда. А эту, чужую, он спас, женился, заслонил собой. И умер из-за неё. Саида была уверена из-за неё.

— Что случилось? — спросила Замира, обращаясь к мужу. Она вошла в кабинет. Увидела Нодиру на полу, увидела Руслана на коленях. — Руслан, почему Нодира кричит? Что ты ей сказал?

Руслан поднял на неё глаза. В них была такая пустота, что Замира отшатнулась.

— Демира убили, — сказал он.

— Как убили? — прошептала Мухайё. Она вошла в кабинет следом за Замирой, подошла к матери, опустилась рядом на колени.

Мухайё покачнулась. Гульнара всхлипнула и уткнулась ей в плечо. Слезы текли по её щекам крупные и бессильные.

Она вышла из кабинета прямая, как струна. Мухайё и Гульнара бросились за ней.

— Мама, — позвала Мухайё. — Мама...

Женщины остались в коридоре. Замира смотрела вслед Нодире, качала головой.

— Бедная женщина, — сказала она. — Сколько можно испытывать её? Мало ей было мужа, теперь сына...

— Бог испытывает тех, кого любит, — ответила Наргиза, тяжело вздыхая.

За сто километров от Маргилана, в заброшенном кишлаке, Алия сидела на стуле с завязанными глазами.

Она потеряла счёт времени. Руки болели. Верёвки въелись в запястья, кожа под ними воспалилась, мокнула. Ноги затекли от долгого сидения в одной позе, спина онемела, шея затекла.

За тонкой стеной разговаривали мужчины.

Голосов было трое.

— Шарипов прислал гонца? — спросил один.

— Да, — ответил второй. — Сказал, чтобы мы звонили

Руслану. Кончать с этим делом.

— А девка?

— Жива ещё. Пока.

Алия замерла. Сердце заколотилось где-то в горле так часто, гулко, как барабан перед казнью.

Мужчина вздохнул. Послышался звук зажигалки — он прикурил сигарету. Алия ненавидела запах дыма.

— Демира убили, — сказал мужской голос. Алия вздрогнула всем телом. Верёвки впились в запястья, она вскрикнула от боли, но никто не услышал.

Алия перестала дышать.

Демир мёртв. Слова врезались в неё как ножи.

Она вспомнила его. Чёрная футболка, чёрные джинсы, чёрные берцы. Молчаливый, как тень. Пустые глаза, в которых иногда вспыхивал огонь. Он встал между ней и пулей Азима. Он женился на ней. А теперь его нет.

Демир не придёт.

— А если Руслан не согласится?

— Тогда, значит, судьба у девки такая либо сгореть либо сгнить в этом сарае, — Мужчина помолчал, затянулся сигаретой, выпустил дым. — Ладно, хватит болтать. Звоните Руслану.

Алия слышала, как набирается номер. Гудки были длинные, тяжёлые. Раз, два, три. В голове гудело. Сердце колотилось так, что, казалось, выскочит из груди.

— Алло, — голос Руслана был резким, злым. Он не сказал

«ассаламу алейкум», не спросил «кто это», не поздоровался. Просто «алло». И в этом одном слове было столько ненависти, что Алия поёжилась.

— Салам, Руслан-ака, — Он говорил вкрадчиво. — У нас твоя племянница. Живая. Правда пока. Подпишешь документы на повышенные проценты от экспорта — получишь её обратно. Целую и невредимую. А не подпишешь...

Он не договорил.

Руслан перебил резко, грубо, как обрывают нитку.

— Слушай сюда, — голос Руслана стал ледяным — таким холодным, что, казалось, в кабинете упала температура. Алия никогда не слышала его таким. Даже когда он приказал её убить, он говорил спокойно, ровно, как о погоде. А сейчас в его голосе была такая ненависть, такая ярость, что у неё волосы зашевелились на голове. — Можете убить девку. Мне от неё толку нет. Она мне не нужна.

— Руслан, попросайся со своей племянницей. Жаль, красивая девушка. Думаю, что у нее единственный недостаток, её дядя. — Он говорил с таким сарказмом.

— Делай свой шаг Азиз, Убей Алию, спаси меня от моего груза — голос Руслана стал спокойнее.

Алия сжалась в комок. Слова вонзались в неё, как пули. Она знала, что Руслан хотел её смерти. Но услышать это своими ушами сейчас, когда у неё завязаны глаза, когда руки связаны, когда она сидит в сарае, когда единственный, кто мог бы её спасти, мёртв — это было страшнее, чем дуло пи-

столета. Это было как приговор, подписанный собственноручно, но чужими руками.

— Сукин сын, — выругался, бросая телефон на стол. — Девка ему не нужна. Отказался.

— Что делать? — спросил другой. В его голосе слышалось разочарование — как будто ему не дали досмотреть интересный фильм.

— Ждать указаний от Шарипова, — помолчал, закурил новую сигарету. — А пока... Сидите тихо.

Алия сидела, прислушиваясь. Внутри неё всё сжалось, сердце, лёгкие, желудок. Она перестала чувствовать боль от веревок, от холода, от голода. Остался только страх липкий и забивающий горло.

Она поняла, что её сейчас убьют. Может, не сегодня. Может, завтра. Но убьют. Потому что она никому не нужна.

Слёзы потекли из-под повязки. Она не сдерживала их. Плакала тихо, чтобы не слышали тюремщики. Плечи её тряслись. Она кусала губы, чтобы не закричать. Кусала до крови, чувствуя солёный привкус на языке.

«За что? — думала она. — Что я сделала? Я ничего не просила. Ни наследства, ни фамилии, ни мужа. Я просто приехала. Просто хотела узнать правду о своём отце».

Алия не знала, сколько прошло времени. Она проваливалась в забытьё, просыпалась от холода, снова засыпала. Руки онемели совсем, она не чувствовала пальцев. В голове шумело.

Вдруг услышала шаги. Много шагов. Голоса стали громче, потом тише, потом удалились. Хлопнула дверь входная, тяжёлая, со скрипом. Затишье.

Алия насторожилась. Напрягла слух.

— Эй! — крикнула она. — Есть кто?

Никого. Тишина такая плотная, что заложило уши.

— Эй, пожалуйста! — закричала она громче. — Не оставьте меня! Я здесь! Отзовитесь!

Ни звука. Только ветер гуляет в щелях, завывая.

Алия дёрнулась, но верёвки не поддались. Попробовала развязать узел зубами не достала, только губы поранила. Попыталась встать вместе со стулом, он был тяжёлым, старым. Она дёрнулась ещё раз стул приподнялся, но она не могла удержать равновесие, упала на бок, ударилась головой о пол.

Боль прострелила затылок, но она не закричала. Только замерла, прислушиваясь.

— Они ушли, — прошептала она в темноту. — Ушли и закрыли дверь.

Зачем? Почему не убили? Почему не забрали с собой? Что они задумали?

Она прислушалась. Ни звука. Только её собственное дыхание частое, прерывистое. Только стук сердца гулкий, как похоронный барабан.

И вдруг — запах.

Сначала лёгкий, едва уловимый. Дым.

Алия подумала, что кто-то разжёт костёр во дворе. Мо-

жет, они не ушли, а просто вышли покурить. Может, сейчас вернуться, откроют дверь, и всё будет как прежде темнота, страх, верёвки.

Но запах становился сильнее. Гуще. Едким. Он забивался в нос, в горло, в лёгкие. Он пах гарью, пах горелым деревом, пах тем самым хлопком, который жгли на полях. Только здесь этот запах был острее живой, приближающийся, опасный.

— Эй! — закричала Алия снова, уже не надеясь на ответ. — Пожар! Горим! Кто-нибудь!

Никто не отозвался. Тишина. Только треск где-то рядом занялось дерево. Сначала тихо, потом громче, потом оглушительно как будто ломали сухие ветки.

Алия слышала, как огонь лижет стены. Как полыхает солома на крыше сухая, старая, готовая вспыхнуть от одной искры. Как рушатся балки с глухим стоном, с облаком искр и пепла.

Она поняла. Они шли и подожгли дом.

Забросили горящую тряпку в соломенную крышу и уехали. Чтобы не пачкать руки. Чтобы всё выглядело как несчастный случай. Зброшенный кишлак, старый сарай, зажжённая свеча, кто разберёт? Никто не придёт. Никто не спасёт. Никто даже не узнает.

— Нет! — заорала Алия, дёргаясь в верёвках. — Нет, пожалуйста! Я не хочу умирать! Не так! Не в огне!

Она билась, как птица в клетке. Кожа на запястьях горела.

но она не чувствовала боли. Только страх. Только отчаяние. Только животный ужас перед огнём, который подбирался всё ближе.

Жар становился невыносимым. Воздух раскалился она чувствовала это даже через повязку. Дым заполнил комнату, щипал глаза, забивался в горло, в лёгкие. Алия закашлялась сначала тихо, потом сильно, с хрипом, с рвотными позывами.

— Помогите! — кричала она, задыхаясь. — Кто-нибудь! Спасите!

Никто не слышал. Вокруг была пустота, брошенный кишлак, ни соседей, ни прохожих. Только поля. Только хлопок, который давно собрали. Только ветер, который раздувал пламя.

Имя Демира вырвалось само собой, может быть, от отчаяния, может быть...

— Демир!

Тишина. Только треск огня.

И где-то высоко в небе, маленький, почти незаметный, жужжал квадрокоптер. Он кружил над горящим домом, как стервятник, и красный глаз камеры смотрел вниз на огонь, на дым, на то, что когда-то было домом.

Камера записывала.

Кто-то смотрел.

Кто-то ждал.

На поле, где ещё недавно был бой, стало тихо. Люди Ша-

рипова уехали, забрав Алию. Квадрокоптер улетел в сторону города. Остались только ветер, хлопок и тело Демира, распластанное на земле.

Из зарослей хлопка, пригибаясь, вышел Тилсиз. Он ждал там всё это время молчаливый, как тень. Он видел всё и как Алию оторвали от раненого, и как бандиты уехали, и как квадрокоптер кружил, снимая. И ждал. Потому что Тилсиз умел ждать.

Он подошёл к Демиру. Тело лежало лицом вниз, куртка пропиталась кровью, земля вокруг стала чёрной. Тилсиз опустился на колени, перевернул друга.

Демир был жив. Глаза открыты, дыхание прерывистое, но есть.

— Демир, — сказал Тилсиз. Голос его был низким, как всегда — он вообще редко говорил, но каждое слово весило больше, чем чужая речь.

— Тилсиз, — выдохнул Демир. — Алия...

— Знаю. Молчи. — Тилсиз разорвал свою рубаху, начал перевязывать рану. Пуля вошла в спину, вышла спереди навывлет. Крови было много, но Демир держался. Он всегда держался.

— Надо к врачу, — сказал Тилсиз. — Ты истекаешь кровью.

— Алия...

— Потом. Сначала врач.

Демир попытался встать, но сил не было. Тилсиз подхва-

тил его под мышки, потащил к машине. Джип стоял за холмом Тилсиз успел перегнать его, когда началась стрельба. Он действовал на автомате спрятал машину, вернулся, залёг в хлопке. И ждал. Потому что Тилсиз всегда ждал. И всегда знал, когда надо выходить.

Он загрузил Демира на заднее сиденье, сам сел за руль. Двигатель взревел, и джип помчался по полевой дороге.

Дорога трясла. Каждый удар отдавался в спине Демира болью, но он не стонал. Только сжимал зубы и смотрел в потолок машины, где плясали тени от придорожных деревьев.

— Держись, — сказал Тилсиз. — Через двадцать минут будем у Саида.

Саид был врачом старым, седым, с руками, которые помнили больше операций, чем у него было волос на голове. Он работал в районной больнице, но лечил и «особых» пациентов тех, кто не мог обратиться к официальной медицине. За деньги. За молчание.

В машине зазвонил телефон Тилсиза. Он взглянул на экран Карим.

— Алло, — сказал Тилсиз.

— Тилсиз, где ты? — голос Карима был встревоженным, быстрым. — Я звонил Демиру — не отвечает. Руслан всех поднял на уши. Что случилось?

— Демир ранен, — коротко ответил Тилсиз.

— Ранен?! Как? Кто?

— Люди Шарипова.

— О Аллах... — Карим замолчал на секунду. — Тяжело?

— Пуля на вылет. Крови много, но жив.

— Я сейчас приеду к Саиду. Ты слышал, что Руслан говорит? Ему позвонил Шарипов. Руслан кричит, что Демира убили. Что его нет. Он в бешенстве, послал всех искать.

Тилсиз посмотрел в зеркало заднего вида. Демир, услышав слова Карима, открыл глаза.

— Скажи ему, — прошептал Демир, — что я жив. И что я найду Алию. Живую или мёртвую.

— Ты слышал? — сказал Тилсиз в трубку. — Демир жив.

Передай Руслану.

— Передам, — Карим выдохнул. — А где вы сейчас?

— На подъезде к Саиду. Скоро будем.

— Я выезжаю.

Телефон зазвонил снова через минуту. На этот раз номер был Руслан.

Тилсиз взял трубку.

— Ты где? — голос Руслана был резким, злым, но в нём слышалось что-то ещё страх. — Где Демир?

— Жив, — ответил Тилсиз.

— Жив? — Руслан не поверил. — Ты не врёшь?

— Не вру.

— Я сам слышал от Шарипова! Тот сказал, что Демира больше нет.

— Выжил, — сказал Демир с заднего сиденья, пересиливая боль. Тилсиз повернул телефон к нему.

— Слышишь, дядя? — голос Демира был слабым, но твёрдым. — Я жив.

— Демир... — Руслан замолчал. Потом голос его изменился — стал жёстче, холоднее. — Домой. Это приказ.

Тилсиз убрал телефон.

— Держись, — повторил он. — Осталось десять минут.

Врач встретил их у ворот. Старый, сутулый, в белом халате, который помнил ещё советские времена. Он ничего не спросил только кивнул и показал на дверь.

Тилсиз и Карим (который приехал раньше на своей машине) занесли Демира в дом. Саид развернул стол, включил лампу.

— Пуля прошла навывлет, — сказал он, осматривая рану.

— Задела ребро, лёгкое не тронула. Повезло.

— Повезло? — усмехнулся Демир. — Я лежу на столе у старого врача, а жену мою увезли эти собаки.

— Ты жив — это везение, — ответил Саид, промывая рану. — Девушку найдёшь, если жить будешь. А мёртвый не найдёшь даже в раю.

Демир зашипел, когда игла вошла в тело. Карим держал его за плечи, Тилсиз стоял у двери, глядя в окно.

— Сколько времени нужно? — спросил Демир.

— Часа два, — ответил Саид. — Я должен зашить всё чисто, чтобы не было заражения.

— Нет времени.

— Время не ждёт никого, даже таких упрямых, как ты. —

Саид накладывал швы быстро, но аккуратно. — Пословица говорит: «Кто спешит — тот помогает шайтану». Не помогай шайтану, сынок.

— Шайтан уже помог, — буркнул Демир. — Мою жену украли.

Саид замолчал. Зашивал.

Через час он закончил. Демир приподнялся на локтях, сел. Голова закружилась, но он удержался.

— Можно ехать? — спросил он.

— Можно, — сказал Саид. — Но, если рана откроется ты истечёшь кровью за полчаса. Учти.

— Учёл.

Демир встал. Карим подал ему рубашку. Демир натянул её, поморщился.

— Тилсиз, — сказал он. — Достань телефон. Посмотри, где сигнал Алии.

Тилсиз вынул смартфон Демира из кармана куртки. Кровь на ней уже засохла. Он разблокировал экран, открыл приложение GPS Демир отслеживал Алию со дня свадьбы, поставил маячок в её кольцо с рубином.

Точка на карте горела красным.

— Нашёл, — сказал Тилсиз.

— Давай координаты. Поехали.

— Демир, тебе нельзя... — начал Карим.

— Мне нельзя её терять, — перебил Демир. — А всё остальное можно.

Он вышел на улицу, шатаясь. Тилсиз и Карим переглянулись. Карим хотел что-то сказать, но Тилсиз покачал головой.

— Бесполезно, — сказал он. — Когда Демир что-то решил, его не остановить.

— Он умрёт по дороге.

— Он умрёт, если не поедет. — Тилсиз надел куртку. — Поехали.

Джип летел по ночной дороге.

Тилсиз вёл. Карим сидел на переднем сиденье, смотрел на карту, сверял дороги. Демир сзади, сжимая в руке пистолет, который Карим привёз из дома.

Скорость была бешеной под сто сорок, сто шестьдесят по трассе. Тилсиз вёл машину как сумасшедший, но точно каждое движение руля было выверенным, каждое нажатие на газ просчитанным.

— Быстрее, — сказал Демир.

— Быстрее некуда, — ответил Тилсиз.

— Быстрее.

Тилсиз нажал на газ. Стрелка спидометра дрогнула и поползла к ста восьмидесяти.

— Он убьёт нас всех, — пробормотал Карим, вцепившись в поручень.

— Может быть, — спокойно ответил Тилсиз. — Но не сегодня.

Демир смотрел на карту. Красная точка не двигалась. Это

было плохо или хорошо. Если точка неподвижна, значит, Алию держат в одном месте. Или... он отогнал мысли о втором «или».

— Ещё двадцать километров, — сказал Карим.

— Слишком долго, — Демир стиснул пистолет.

— А быстрее не получится. Дорога кончится через пять километров, дальше поле и грунтовка.

— Тилсиз, — Демир наклонился вперёд. — Не жалей машину.

Тилсиз кивнул.

Он и не жалел.

Они подъехали к заброшенному кишлаку, когда ночь уже вступила в свои права. Луна висела низко, жёлтая, как больной глаз, и освещала чёрный столб дыма, который поднимался к небу.

Дом горел.

Нет, он уже догорал. Стены обвалились, крыша провалилась, только из-под обломков ещё вырывались языки пламени, лизали чёрное небо. В воздухе пахло гарью и чем-то ещё...

Демир выскочил из машины, не закрыв дверь. Шатаясь, побежал к дому.

— Демир, стой! — крикнул Карим, но тот не слышал.

Тилсиз побежал следом, схватил Демира за плечо, развернул к себе.

— Не лезь. Там всё обвалилось. Никого нет.

— Она там! — заорал Демир. — Она там, я знаю!

— Никого там нет, Демир. — Тилсиз говорил спокойно, но его голос дрожал. — Пепел. Обугленные брёвна. Никого живого.

Демир вырвался, бросился к дому, но жар отбросил его назад. Он стоял, смотрел на чёрные стены, на дым, на обломки. И вдруг закричал дико, страшно, как кричал мальчишкой в пещере, когда убивали отца.

— Алия! Алия!

Тишина. Только треск огня.

Демир опустился на колени. Карим подбежал к нему, попытался поднять, но Демир не вставал. Он смотрел на пепел и не верил. Не мог поверить, что эта девушка светлая, чуждая, прилетевшая из другой страны, что она сгорела здесь. В этом аду. Одна. В темноте.

— Я обещал тебя защищать, — прошептал он. — Я обещал.

Тилсиз обошёл дом с другой стороны. Ничего. Только чёрные головешки. Он вернулся, встал рядом с Демиром.

— Мы не знаем, что внутри, — сказал он. — Может, она выбралась.

— Как? — Демир поднял на него красные глаза. — Сигнал идет отсюда. Как она могла выбраться?

Он посмотрел на небо. Там, наверху, кружил квадрокоптер. Маленький, чёрный, почти незаметный. Красный глаз камеры смотрел на них, на пепелище, на Демира, который

стоял на коленях посреди золы.

Демир поднял пистолет, выстрелил в квадрокоптер. Раз, второй, третий и тот, вздрогнув, завалился на бок и упал где-то в хлопковом поле.

— Пусть Шарипов знает, — сказал Демир. — Я иду за ним. Найду. И убью.

— Демир, — Карим подошёл ближе. — Надо вернуться. Сообщить Руслану. Подумать, что делать дальше.

— Я знаю, что делать. — Демир повернулся к догорающему дому. — Она жива.

Он пошёл к машине. Тилсиз и Карим переглянулись и пошли следом.

Джип развернулся и уехал в ночь.

Сзади догорал дом.

Внутри никого. Или кто-то, но они этого не знали.

Глава 7.

Замира стояла у окна в гостиной и смотрела на ворота. Она уже не помнила, сколько раз за вечер выходила на кухню, потом возвращалась, снова шла к окну. Руки её дрожали от страха, от кофе, которого она выпила три чашки, от того, что в доме не было мужчин.

— Перестань мельтешить, — сказала Наргиза, сидя в кресле с вязанием. Она не вязала просто перебирала спицы, чтобы занять руки. — Кто бегает туда-сюда, тот не убегает от судьбы, а только ноги бьёт.

— Я не бегаю, — ответила Замира. — Я жду.

— Ждать — это сидеть на одном месте и смотреть в одну точку. А ты ходишь как маятник.

Лола сидела на полу, обхватив колени. Саида заперлась в своей комнате. Мухайё и Гульнара дежурили у двери Нодеры, которая затихла и не плакала, не кричала, только иногда слышалось её прерывистое дыхание.

— Ты думаешь, Демир найдёт её? — спросила Лола у матери.

— Не знаю, дочка, — ответила Наргиза. — Но если кто и может найти, то только он. У него нюх как у волка.

— А если... если она умерла?

— Не каркай, — резко оборвала Замира. — Не смей. Она жива.

— Женщины всегда чувствуют, — кивнула Наргиза. — Но иногда чувство путает страх с надеждой.

В этот момент ворота дома распахнулись с грохотом. С улицы донёсся рёв мотора, визг тормозов, хлопок двери. Женщины замерли.

— Он приехал, — прошептала Замира.

Но то, что произошло дальше, не было возвращением героя.

Демир влетел в дом как ураган.

Он не поздоровался, не снял обувь, не посмотрел на женщин, которые вышли в коридор на звук. Он шёл прямо к кабинету Руслана, сжимая в правой руке пистолет. Рубашка на его спине пропиталась свежей кровью, рана опять открылась

в машине. Лицо было бледным, как полотно, глаза горели чёрным огнём.

— Демирджан, что случилось? — начала Замира, протягивая к нему руку.

Он прошёл мимо, не глядя.

— Демир! — крикнула Лола.

Тишина. Только тяжёлые шаги по паркету.

Он ударил ногой в дверь кабинета она распахнулась с треском, ударившись о стену. Картина упала, стекло разбилось.

Руслан сидел за столом. Он смотрел в одну точку на стене, где висел портрет отца. Услышав грохот, он медленно поднял глаза.

Демир стоял на пороге. Пистолет направлен прямо на дядю.

— Демир, — спокойно сказал Руслан. — Убери оружие.

— Где она, дядя? — голос Демира был низким, хриплым, срывающимся на рык. — Где моя жена?

— Я не знаю, где Алия.

— Врёшь! — заорал Демир, делая шаг вперёд. — Ты всё знаешь! Ты всегда всё знаешь! Где она?!

Он подошёл к столу, упёрся дулом в столешницу, наклонился к Руслану. Расстояние между ними было не больше метра.

— Ты виноват, — сказал Демир, и голос его дрогнул. — Это ты во всём виноват. Если бы ты не захотел её убить... —

он загнулся, сглотнул ком в горле. — Шарипов взял её из-за тебя. Из-за твоей жадности!

— Я не подписываю шантаж, — твёрдо ответил Руслан.
— Ты знаешь.

— А я знаю, что моя жена сейчас... — Демир замолчал. Перед глазами встало пепелище, чёрные брёвна, дым. — Она могла сгореть. Из-за тебя.

— Она жива, — сказал Руслан. — Сигнал с её кольца идёт.
— Сигнал идёт с пепелища! — Демир ударил кулаком по столу, и пистолет выстрелил — пуля ушла в потолок. За стеной завизжали женщины. — Я был там! Дом сгорел! Дотла! А сигнал всё ещё идёт оттуда! Это значит, что кольцо там, в пепле. А она? Где она, дядя?

Руслан не отвёл взгляда. Он смотрел Демиру прямо в глаза.

— Если ты сейчас не успокоишься, — сказал он тихо, — то никого не найдёшь. Ты истекаешь кровью. Сядь.

— Я не сяду! — Демир замахнулся пистолетом, но Руслан даже не моргнул.

— Демир, — сказал он. — Если ты станешь передо мной из-за Алии, то я...

— То что, дядя? — перебил Демир, и голос его стал ледяным. — То что? Сначала меня убьёшь? Слышишь меня? Меня убьёшь? Стреляй! Давай! Ты хотел убить мою жену — убей меня! Тебе же легче будет!

Он шагнул к Руслану, сунул пистолет ему в грудь.

— Давай, дядя. Покажи, что для тебя важнее семья или деньги.

Руслан медленно поднялся из-за стола. Но Демир был выше и шире в плечах, но в глазах Руслана не было агрессии. Была усталость и что-то похожее на жалость.

— Алия, — сказал он спокойно. — Кто она для тебя? Демир замер.

— Ты женился на ней, чтобы спасти, — продолжал Руслан. — Ты сказал: «Не любить, а защищать». Я помню твои слова. Я был там. Я слышал.

— И что?

— А то, — Руслан сделал шаг вперёд, отодвинув дуло рукой. — Если бы я тебя не знал, то решил бы, что ты в неё влюблён.

Демир отступил. Его рука с пистолетом опустилась. Глаза, ещё минуту назад горевшие яростью, потухли.

— Ты в неё влюблён, Демир? — тихо спросил Руслан.

Молчание. Такое тяжёлое, что, казалось, стены содрогнулись.

— Это не твоё дело, — наконец сказал Демир. — Где она?

— Я не знаю, где она.

— Ты сидишь здесь, в этом кабинете, думаешь, что управляешь миром. А мир — это большая свалка, дядя. И на этой свалке сейчас моя жена.Т — Демир усмехнулся горько.

Он развернулся и пошёл к выходу.

— Демир! — крикнул Руслан. — Остановись. Ты ранен.

Он вышел в коридор.

Женщины прижались к стенам. Замира закрыла лицо руками. Лола смотрела на Демира с ужасом. Саида, услышав выстрел, выбежала из своей комнаты и теперь стояла в дверях, бледная, с расширенными глазами.

— Демир, — позвала она. — Демир, пожалуйста...

Он прошёл мимо неё, как мимо пустого места.

В прихожей его ждал Тилсиз — молчаливый, недвижимый, как всегда. Он не спрашивал, что случилось. Он видел всё по глазам.

— Поехали, — сказал Демир.

Они вышли во двор. Джип стоял с открытой дверцей, мотор работал. Тилсиз сел за руль, Демир на пассажирское сиденье.

— Куда? — спросил Тилсиз.

— Везде, — ответил Демир. — Начинаем с базара.

Маргилан спал. Но не весь.

Город, как живой организм, имеет свои вены и артерии тёмные переулки, подвалы, чайханы, где собираются те, кто знает всё. Те, кто видел, слышал, запомнил. Те, кто продаёт информацию за деньги или за страх.

Джип мчался по пустым ночным улицам. Фары выхватывали из темноты глинобитные дувалы, облезлые вывески, спящих собак. Тилсиз вёл машину молча, но его глаза бегали по сторонам он тоже искал. Он тоже чувствовал, что время уходит.

— Тормози, — сказал Демир.

Они остановились у старой чайханы на окраине. Сквозь щели в ставнях пробивался тусклый свет. Демир вышел, пистолет в правой руке, левой открыл дверь.

Внутри сидели трое. Старый чайханщик протирал пиалы, двое мужчин в потрёпанных халатах играли в нарды, потягивая зелёный чай.

— Закрой дверь, — сказал один, не поднимая головы.

Демир не закрыл. Он подошёл к столу, положил пистолет на доску с нардами, отбросив фишки.

— Кто вы?

Мужчины подняли головы. Увидели пистолет, увидели чёрные глаза Демира, его рубашку, насквозь пропитанную кровью. И поняли с этим человеком не шутят.

— Я Шариф, — сказал старший, с длинной седой бородой. — Что тебе нужно, сынок?

— Алия, — сказал Демир. — Племянница Руслана Умарова. Её похитили люди Шарипова. Где она?

Чайханщик перестал тереть пиалу. Шариф и его напарник переглянулись.

— Мы ничего не знаем, — ответил Шариф. — Мы простые люди.

— Простые люди всё знают, — Демир наклонился ближе. — Простые люди видят, слышат, запоминают. А потом продают информацию за пару монет. Я не дам тебе монет. Я дам тебе жизнь, если ты скажешь правду. И смерть, если

соврёшь.

— Я не вру, — Шариф не отвёл взгляда. — Но я слышал, что девку увезли в горы. Там у Шарипова есть дом.

— Где? Координаты?

— Не знаю. Никто не знает. Только его люди.

Демир выпрямился, убрал пистолет.

— Если узнаешь что-то ещё — позвони, — он бросил на стол визитку. — За информацию заплачу.

Он вышел. Тилсиз уже заводил двигатель.

— В следующий раз, — сказал Демир, садясь, — не спрашивай. Стреляй сразу. Иначе они не боятся.

— Они испугались, — ответил Тилсиз.

— Недостаточно.

Они объехали полгорода.

Чайхана на восточной окраине пусто. Склад на территории старого хлопкозавода двое охранников, которые ничего не видели, не слышали и не знали. После того как Демир приставил пистолет к виску одного из них, охранник вспомнил, что «какая-то машина с тонированными стёклами проезжала пару часов назад».

Подпольная парковка в подвале старого дома там собирались торговцы оружием. Тилсиз выбил дверь ногой. Внутри четверо мужчин бросились к столу, но Демир уже держал их на прицеле.

— Где Алия?

— Кто? — спросил один, кривя губы в ухмылке.

Выстрел в потолок. Штукатурка посыпалась.

— В следующий раз в колено, — сказал Демир. — Где девушка, которую похитили люди Шарипова?

— Мы не работаем на Шарипова, — ответил другой, постарше. — Мы сами по себе.

— Вы работаете на того, кто платит. Я заплачу больше. Но сначала скажите.

Мужчины переглянулись. Старший кивнул.

— Слышали, что её держали в старом кишлаке у границы. Дом сгорел. Её, говорят, вывезли оттуда чужие. Не Шарипова.

— Чужие? Кто?

— Не знаем. Машина была чёрная, номеров нет. Увезли в сторону гор.

Демир сжал пистолет так, что побелели костяшки.

— Что ещё?

— Больше ничего.

Он развернулся и вышел. Тилсиз за ним.

— Хотя бы направление есть, — сказал Тилсиз.

— Направление есть, — ответил Демир. — А цели нет.

Они поехали к западу.

Дорога стала хуже сначала асфальт, потом гравий, потом грунтовка. Фары выхватывали из темноты овраги, камни, сухие кусты. Тилсиз вёл машину, не снижая скорости, хотя каждый удар отдавался в спине Демира болью, и кровь снова сочилась из-под повязки.

— Останови, — сказал Демир.

— Что?

— Останови. Я выйду.

Тилсиз затормозил. Демир вышел, вдохнул воздух холодный, сухой, пахнувший пылью и далёкими горами. Звёзды над головой были крупными, яркими, но они не давали ответов.

Он достал телефон, набрал номер Азима.

— Азим, — сказал он. — Узнай всё, что можно, о контактах Шарипова. Дома, склады, люди. К утру.

— Демир, ты где? — спросил Азим. — Руслан...

— Делай, что сказал! — крикнул Демир и сбросил звонок.

Тилсиз вышел из машины, встал рядом.

— Надо вернуться, — сказал он. — Ты истекаешь кровью.

— Не вернусь, пока не найду её.

— Ты её не найдёшь мёртвым.

— Я её найду. Или умру. — Демир посмотрел на Тилсиза.

— Ты со мной?

Тилсиз молчал секунду. Потом кивнул.

— Всегда.

Они сели в машину и поехали дальше в ночь, в неизвестность, в черноту, где не было ни огней, ни надежды, только упрямство.

В одном из кишлаков на полпути к границе Демир увидел костёр. Трое мужчин сидели у огня, жарили мясо, пили чай. Обычные люди пастухи, крестьяне. Но кто знает, что они ви-

дели.

Демир вышел из машины, не пряча оружие.

— Доброй ночи, — сказал он на узбекском.

Мужчины подняли головы. Увидели пистолет, испугались.

— Мы ничего не делали, — быстро заговорил один, молодой, с чёрными усами. — Мы пастухи.

— Я знаю, — Демир сел к костру, положил пистолет на колени. — Вы не видели здесь чужую машину? Чёрную. И девушку в ней русую.

— Девушку? — спросил старик с белой бородой.

Демир вздрогнул.

— Дед говорил, — ответил старик. — Внук видел, как машина ехала в сторону гор. В ней сидела девушка с завязанными глазами.

— Видел? — Демир подался вперёд. — Жива?

— Жива, — кивнул старик. — И с ней были мужчины, но не Шарипова, другие. Вежливые. Спросили дорогу на Исфару.

— Исфара? — переспросил Тилсиз. — Это Таджикистан.

— Да, — ответил старик. — Туда они поехали.

Демир встал. Сердце колотилось. Первая зацепка не просто слух, а свидетельство. Кто-то видел её. Живую.

— Спасибо, — сказал он. — Если увидите что-то ещё звоните.

Он оставил им деньги и уехал.

Теперь было направление Исфара. Город в Таджикистане, недалеко от границы. Там у Шарипова могли быть люди. Или не у Шарипова у тех, кто вытащил Алию из огня.

— Кто эти «вежливые»? — спросил Тилсиз, когда они выехали на трассу.

— Не знаю. Но если они не Шарипова, значит, есть третья сила. — Демир посмотрел на дорогу. — И я должен узнать, чья она. Друг или враг.

— Друг, если вытащил из огня.

— Или враг.

Тилсиз промолчал. Он знал, что Демир прав.

Они объехали ещё три кишлака, два блокпоста, одну заброшенную ферму. Везде спрашивали, везде получали одни и те же ответы: «Не видели», «Не знаем», «Уходите».

Время шло. Луна перевалила за зенит и начала клониться к горизонту. Звёзды гасли. Небо на востоке стало светлеть сначала едва заметно, потом всё ярче.

А Алии не было.

Демир чувствовал, как силы покидают его. Рана на спине пульсировала, повязка промокла насквозь, в горле пересохло.

— Ещё один, — сказал он, когда Тилсиз свернул к очередному кишлаку.

Это был маленький, заброшенный, почти нежилой. В одном из домов горел свет. Демир постучал.

Дверь открыл старик высокий, согбенный, с длинной се-

дой бородой. Он посмотрел на Демира, на его окровавленную рубашку, на пистолет в руке.

— Заходи, сынок, — сказал он. — Не стреляй. Я тебе ничего плохого не сделал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.